

Раздел 3

ФИЛОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 821.161.1

Anabilova B.M. LANGUAGE FEATURES OF THE WORKS OF AVAR PUBLICIST H. ARIPOV. This article considers features of the language in the works of the famous Dagestan publicist Hadji Aripov. The materials, cited in the work, are of great artistic interest. Using artistic means is an element of the artistic world view of the writer and it has aesthetical and ethno-psychological meaning.

Key words: national coloring, poetry of the language, metaphorical expressions, esthetical and ethno-psychological meaning, national vocabulary and phraseology.

Б.М. Анабилова, соискатель каф. литератур народов Дагестана и Востока ДГУ, г. Махачкала,
E-mail: uzlipat066@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ АВАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ-ПУБЛИЦИСТА Г. АРИПОВА

В настоящей статье рассматриваются особенности языка произведений известного дагестанского писателя-публициста Гаджи Арипова. Материалы, приводимые в работе, представляют большой художественный интерес. Использование художественных средств имеет эстетическое и этнопсихологическое значение и является элементом художественного мировоззрения писателя.

Ключевые слова: национальный колорит, поэтичность языка, метафорические выражения, эстетическое и этнопсихологическое значение, национальная лексика и фразеология.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе языка и стиля произведений аварского писателя-публициста. Язык произведений Гаджи Арипова глубоко индивидуален. Специфика идейно-художественной системы писателя в его рассказах, повестях и очерках: «...герои его произведений перед нами встают как свидетели честности, мужества, героизма, они призывают высоко держать знамя чести и достоинства. Они своим примером доказывают, что защита свободы Родины – это долг каждого человека» [1].

Яркий национальный колорит его произведений создает тот эмоциональный фон, который способствует раскрытию внутренней жизни героев. Здесь налицо поэтичность языка персонажей, удачное использование пословиц и поговорок, метафорических выражений, связанных со структурой каждого отдельно взятого произведения. Использование художественных приемов имеет эстетическое и этнопсихологическое значение и является элементом художественного мировоззрения писателя. Это и влияет на язык героев произведений Гаджи Арипова.

«Журналист, писатель, ученый» – так характеризует Г.Г. Арипова талантливая дагестанская поэтесса, прозаик, драматург Майсарат Магомедова. В своей статье, посвященный его жизни и творчеству, она высоко отзывается о его журналистском мастерстве, совершенстве языка, лаконичности слова, речи как писателя, особо подчеркивает, что он днем и ночью работает над изучением истории Дагестана, исследованием судеб и подвигов мужественных сынов Отечества, чтобы сохранить их имена для новых и новых поколений людей [2].

Как известно, эмоциональной характеристикой героя является его речь. В документальной повести «Горячий как вулкан,

добрый как ребенок», написанном о Герое России генерале Гаджиеве Г.А., погибшем в Чечне, автор дает описание героя с речевой характеристикой. Речь Гаджиева четкая, быстрая, твердая и уверенная. В сцене разговора с отцом о его назначении после военной академии видно, насколько герой тверд в своих решениях: «Я не гоюсь для канцелярской работы. Мне нужна живая работа с людьми. То, что вы говорите, мне не нужно, сам должен всего добиваться...». Герой повести периодически цитирует стихи поэтов Косты Хетагурова и Эдуарда Асадова:

«И никогда ни явено, ни случайно

Никто не смеет оскорбить меня...».

Это показывает героя, как человека с высоким интеллектом.

В повести «Генерал Танкаев» автор начинает первую встречу с читателем с описания северных склонов горы Котол-гох. Этим он словно проводит параллель между суровым климатом гор и суровым характером героя. В данной повести автор также изображает главного героя как человека с высоким интеллектом. Об этом говорит то, что он с пятилетнего возраста знает наизусть «Сказание о Хочбаре», а также множество народных сказок.

Национальная лексика и фразеология занимают в повестях Гаджи Арипова значительное место. Фразеологические единицы являются одним из значительных языковых средств при создании художественных образов, придании образности речи персонажей и самого автора. Использование в речи персонажей идиом является важным средством социально-психологической характеристики их как представителей определенной социальной среды, группы или коллектива; использование же

идиом в речи автора дополняет и усиливает речевую характеристику персонажей [3].

Употребление в речи персонажей фразеологизмов, больше всего характерных для народного языка и художественных текстов, делают эту речь близкой к живому разговорному языку.

Сравнения, метафоры фольклорного происхождения придают прозе Гаджи Арипова национальный колорит. Названия многих его повестей свидетельствуют об этом: «Горячий как вулкан, добрый как ребенок», «Кавказец доблестной чеканки», «Золотые звезды Дагестана» и др.

Главной особенностью речи персонажей Гаджи Арипова является образность. Писатель вводит в речь персонажей метафоры, сравнения: *свинцовый дождь, огненный вал, гонялся как за зайцем, играл, как с котенком*; фразеологические обороты: *послал пулю вслед трусу, пуля находила, лезть на рожон, голову ломать, через себя пропускать, смотреть в оба, стоять на часах*; проклятия: *чтоб их медведь разодрал*; пословицы и поговорки: *Трудно в ученье – легко в бою; Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом*...

Введены в речь персонажей также названия предметов и явлений, которые характерны для горского аула: посох, бурка, папах, кукурузный чурек, толокно, джигит, аксакалы, хабары, герой аварского эпоса Хочбар, названия местностей – гора Котол-гох, перевалы Куядинский, Накитлинский, Зиурибский и т.д. Автор вводит их в свои произведения для передачи специфической образности разговорного языка горцев и для образного отражения действительности.

Данные выражения в произведениях Г. Арипова, прежде всего, говорят о том, что рассказ ведется от лица горца. Из таких выражений читатель получает дополнительную информацию о горцах, дагестанцах, об их жизни и быте. К примеру, название горского блюда дает дополнительное описание жизни горцев. Кукурузные лепешки в годы войны являлись порою единственной едой. В повести «Генерал-полковник Танкаев» имеется сцена, когда после грозы, маленький мальчик Магомед сожалел о том, что вовремя не догадался завернуть рубашкой хурджуны, где лежали кукурузные лепешки, которые после внезапного дождя превратились в кашу. А ведь эта была провизия на неделю. Таким образом, автор ненавязчиво напоминает читателю о ценности хлеба, о советах горцев, «чтобы даже в ясный день, идя в горы, бурку с собой брать».

В произведениях Г. Арипова множество сравнений представляют собой яркие описания внешности людей: «Аштихе шел

сотый год, а сельчане не давали ему и восьмидесяти. Так же, как десять, двадцать лет назад, он ножницами коротко подстригал белоснежную бороду... Не завел он дружбу и со старческим конем – посохом....» (повесть «Генерал-полковник Танкаев»).

Характеристика героев не заканчивается образным описанием их внутреннего и внешнего состояния. Эти сравнения с разных сторон характеризуют людей: «Человек он очень обаятельный, высокообразованный, культурный, и с точки зрения товарищеской беседы очень приятный собеседник, такой человек, каким представляется нам генерал и руководитель крупного коллектива...».

Писатель исследует тайны человеческой души с помощью конкретной детализации, незаметных нюансов, которые способствуют раскрытию самого сокровенного в человеческой сути.

Большое значение имеют здесь и традиции и обычаи народа, которые являются нормой и правилами поведения, передающиеся от поколения к поколению. Соблюдение обычаев является важнейшим условием в горском обществе. Описание соблюдения горского этикета описывается в повести следующим образом: «Танкаев вышел к аксакалам, остановив машину далеко от них. Значит, он помнит неписанный закон горцев: всадник с добрыми намерениями осаждает своего коня на окраине села, чтобы спешиться, оказывая уважение его жителям. Магомед Танкаев покорил их сердца, когда поблагодарил джамаат, сняв генеральскую папаху. Это жест человека, особенно гостя, горцы ценят превыше всего. ... На встречу с избирателями он пришел не в орденах и медалях, хотя их заслужил немало на войне. На его кителе были лишь орденовые колодки. И эта его скромность пришлась по душе горцам» (повесть «Генерал-полковник Танкаев»).

Обычаи и традиции своего народа должны знать подрастающие поколения. Верность этим обычаям и традициям – это отношение к истории и культуре своего народа, чувство уважения к опыту прошлых поколений. Это, прежде всего, наследование высших духовных ценностей, выкованных веками в истории народа, передающиеся от поколения к поколению.

Особенностью языка Г. Арипова является простота и символическая насыщенность образов, строгое и изящное построение сюжета, значительность идейного замысла и совершенствование эстетического оформления. В прозе Гаджи Арипова изображаемые им события и характеристика персонажей воспроизводятся через широкое использование языкового богатства аварского народа.

Библиографический список

1. Патахов, М. Прославил имена героев на всю страну. – Махачкала, 2008.
2. Магомедова, М. Аварцы, прославившие Дагестан. – Махачкала, 1999.
3. Квциния, Ш.И. Идиоматика художественного текста как лингвокультурологическая проблема // Языкознание. Социальные и гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – Сер. 6.

Bibliography

1. Patakhov, M. Proslavil imena geroev na vsyu stranu. – Makhachkala, 2008.
2. Magomedova, M. Avarcih, proslavivshie Dagestan. – Makhachkala, 1999.
3. Kvcinia, Sh.I. Idiomatika khudozhestvennogo teksta kak lingvokulturologicheskaya problema // Yazihkoznanie. Socialjnihe i humanitarihe nauki. – 2009. – № 1. – Ser. 6.

Статья поступила в редакцию 09.07.14

УДК 82.091

Blinova E.O. NIKOLAI NEPLUYEV ABOUT "THE TRUE SPIRIT OF ORTHODOXY" AND THE DISTORTION OF "THE CHRISTIAN IDEAL" IN FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV". The article is devoted to the interpretation of the idea of "a Russian monk" in the novel "The Brothers Karamazov". In the context of the religious dispute of K.N. Leontyev and F.M. Dostoevsky the author discusses the concept of a Russian religious thinker and Church innovator of the turn of XX-XIX centuries N.N. Nepluyev. The analysis of his Protestant interpretations shows the impossibility of adequate perception of the Orthodox ideas of Dostoevsky from unorthodox standpoints.

Key words: F. Dostoevsky, N. Nepluyev, K. Leontyev, "The Brothers Karamazov", Christian ideal, religious philosophy, problem of reception.

Е.О. Блинова, соискатель федерального гос. автономного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский гос. университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, E-mail: dash-blinova@yandex.ru

Н.Н. НЕПЛЮЕВ О «ДУХЕ ИСТИННОГО ПРАВОСЛАВИЯ» И ИСКАЖЕНИИ «ХРИСТИАНСКОГО ИДЕАЛА» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Статья посвящена проблеме интерпретации идеи «русского инока» в романе «Братья Карамазовы». В контексте религиозного спора К.Н. Леонтьева и Ф.М. Достоевского рассматривается концепция русского христианского мыслителя и церковного новатора рубежа XX-XIX вв. Н.Н.Неплюева. Анализ его протестантской по духу трактовки показывает принципиальную невозможность адекватного восприятия православной идеи Достоевского с неортодоксальной позиции.

Ключевые слова: Ф. Достоевский, Н. Неплюев, К. Леонтьев, «Братья Карамазовы», христианский идеал, религиозная философия, проблема рецепции.

С момента выхода в свет статьи К. Леонтьева «О всемирной любви (Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике)» (1880 г.) [1] почти никто из исследователей и интерпретаторов Достоевского, касавшихся темы иночества в его творчестве, за редчайшими исключениями, не миновал вхождения в поле идейного противостояния двух мыслителей, вольно или невольнo (быть может, не ориентируясь сознательно на мнение Леонтьева, но существом своих выводов подтверждая или отрицая его правоту) занимая позицию либо сторонника К. Леонтьева (нерелигиозность и «неправославность» образа старца Зосимы и в целом монашеского идеала в «Братьях Карамазовых»), либо позицию, которая подчас у некоторых комментаторов сводилась исключительно к эмоциональной защите Достоевского и его героев от нападок «ярого ортодокса».

Ультраконсервативный, по-монашески трезвый взгляд К. Леонтьева, бывшего «в вопросах веры крайним догматиком» [2, с. 106], в его время и в ближайшие предреволюционные десятилетия, породившие идеологию и культуру «нового религиозного сознания», по большей части внецерковного или экуменистического по духу, естественно не нашёл себе активных сторонников ни в литературных кругах, где Леонтьев вообще слыл одиозной фигурой, ни в среде религиозных философов и публицистов, ни даже, вопреки замечанию В.А. Твардовской [3, с. 318], в консервативно-церковной среде, за исключением разве что К.П. Победоносцева и Б.М. Маркевича [4, с. 514]. Вряд ли можно считать его серьёзной поддержкой бездоказательное утверждение критика Волжского о том, что Достоевский «изумительно тонко изучил психологию атеизма, но психология веры была ему несравненно менее понятна» [5, с. 139], а также мнение Д.Н. Овсяннико-Куликовского, который в ответ на звучащее риторически «так ли уж действительно “православен” старец Зосима?» лишь констатирует точку зрения К. Леонтьева (взятую к тому же из вторых рук: учёный ссылается на «Очерк о Достоевском» С.Н. Булгакова) и обобщает её в следующей лаконичной характеристике вероучения Зосимы: «религия сердца, почти полное отсутствие догматики, даже отсутствие строгой церковности, вера как примиряющее начало жизни, вера без чудес, без авторитетов, вне церковной иерархии...» [6, с. 329].

Особняком в сфере вышеуказанной произвольно сложившейся двупольности суждений стоит своеобразное, основанное на личной попытке осуществить в реальной жизни евангельский идеал первохристианской общины, мнение русского церковного философа-просветителя, организатора Крестовоздвиженского православного трудового братства, Н.Н. Неплюева, который находит равно несоответствующими духу истинного Православия ни затемнённые «ложью жизни нашего псевдохристианского мира» [7, с. 147] религиозные взгляды Достоевского, ни леонтьевскую критику социальных утопий Достоевского с позиций трансцендентального эгоизма. При этом в абсолютном согласии с последним, Неплюев отмечает искажённое понимание Достоевским двуединой евангельской заповеди о любви к Богу и к ближнему, односторонность страстно проповедуемого писателем человеколюбия, сближая в этом смысле, как и Леонтьев, мировоззрения Достоевского и Толстого: «Оба они увлеклись отдельными, наиболее симпатичными для них, деталями единого стройного здания и преувеличили эти детали до уродливых размеров, совершенно исказивших божественную красоту вечной истины правды Божией...» Именно они превратили христианство в то неразумное, благодушное безразличие к добрым и злым, в то чудовищное побратайство с первым

встречным на большой дороге, в то фиктивное братство разнохарактерного сброда на ярмарочной площади, в ту неразумную бессистемную благотворительность, которые невозможно не признать... за жалкую карикатуру христианства» [7, с. 148-149]. В своём цикле лекций для преподавателей и студентов Московской духовной академии (1907г.) он применяет к характеру подобного вероисповедания весьма жёсткий и режущий ухо термин [8, с. 76-77, 79-80], считая его псевдохристианством.

Довольно резко критикуя христианское мировоззрение Достоевского, Н. Неплюев не во всём согласен и с К. Леонтьевым. Более того, в отношении к социальным аспектам религиозных воззрений творца «Братьев Карамазовых» двух православных философов разделяет глубокий идейный антагонизм: Неплюев считает грубым кощунством «глумление над “несбыточною утопией” стройной организации жизни на основах любви и братства» [9, с. 5]. Всем содержанием своей статьи «Христианская гармония духа» (1896 г.) он словно реабилитирует от обвинений в утопизме и несоответствии евангельскому учению вложенные в уста Зосимы надежды Достоевского на возможность осуществления на земле всеобщего братства во Христе. Для подтверждения, сказанного приведём несколько выдержек из этого сочинения: «“Бог есть любовь”. Этими словами навеки осуждены ересь из ересей, безумное заблуждение тех, которые осмеливаются называть себя христианами и даже кичиться своим правом, ... мирясь со строем жизни, основанном на корысти или насилии, не веря в высшую разумность любви, считая за самую утопию самую возможность стройной организации жизни на основах любви»; «“Бог любви и мира” (2 Кор.13; 11) не может предпочесть деятельной, живой, нежной любви ни богословские знания, ни подвижничество непрестанного самоистязания..., ни самое неукоснительное соблюдение правоверной ритуальности»; «Именно любовь и ничто иное, как любовь, должны быть конечной целью церковной проповеди, всякого назидания, всякой благочестивой беседы»; «По примеру Христа Спасителя, сказавшего: “По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою” (Ин. 13; 35), избранныки Божии настойчиво повторяют, что там, где нет любви, — более того, где любви не отведено место первое, где любовь не составляет основы жизни и отношений к Богу и ближним, там нет православия, нет христианства», «там худшая из ересей, худшая форма грубого язычества» [9, с. 4]. Как следует из данных цитат, Неплюев считает заблуждением и даже ересью отвержение идеи будущего всеединства или «царствия Божия на земле», которую большинство интерпретаторов творчества Достоевского [10, 216-272] находили основой философии его старца Зосимы и теммистическим зерном, из которого вырастает весь его последний роман [11, с. 502]. В своих сочинениях он называл подобную идею «программой мирного христианского прогресса» [8, с. 25] и пытался реализовать её в создании православного трудового братства.

При этом как с Леонтьевым, так и с Достоевским Неплюев резко расходится в определении роли иночества в русской жизни, значительно переоценённого, как ему казалось, автором «Братьев Карамазовых»: тот факт, что «единственный христианин у Достоевского» среди «жалких пародий на христиан» (таковы, по мысли философа, князь Мышкин и Алёша Карамазов) [7, с. 147] показан отрёкшимся от мира старцем, наводит критика на мысль о том, что, согласно Достоевскому, «христианство и аскетизм однозначны и что умные люди, как Зосима, непременно должны отречься от мира, а не преобразовывать мир...»

[7, с. 147]. Таким образом, Неплюев считает старца Зосиму олицетворением аскетизма и упрекает автора романа именно в том, за что Леонтьев с удовольствием воздал бы ему должное, если бы не усмотрел решительно противоположного. Согласно трактовке последнего, Зосима насквозь немистичен и недогматичен, а собственно аскетическая сторона монашеского делания представлена в романе в образе Ферапонта «неблагоприятно и насмешливо» [1].

Точку зрения Н. Неплюева на историческую роль монашества и на значимость его в современной жизни разделяло в то время немалое число участников интересующей нас идеологической полемики. Подобное отношение к монашеству как к когда-то и значимому, но на сегодняшний день совсем неактуальному, давно изжившему себя общественно-религиозному институту, было характерно для широкого слоя русской интеллигенции XIX века, что сумел чутко уловить в атмосфере своего времени сам автор «Карамазовых»: «... что есть инок? – читаем мы в одном из поучений старца Зосимы. – В просвещённом мире слово сие произносится в наши дни у иных уже с насмешкой, а у некоторых и как бранное» [12, с. 284]. Скепсисом такого рода была заражена и церковная среда, о чём можно судить по мнению не только Н. Неплюева. Даже те философы и критики, которые в целом восприняли художественное воплощение образа русского инока как верное отображение христианского идеала, не преминули посетовать на излишнюю, по их мнению, апологетику монашества в романе [13, с. 58, 59-60; 14, с. 289, 291, 296]. Достоевский же почувствовал и понял то, что впоследствии выразительно сформулировал русский религиозный мыслитель И.А. Ильин: «Россия творится ныне более всего в кельях. В их сосредоточенности и ясновидении; в их молчании; в их скорбных молитвах...» [15].

Неплюев же, в отличие и от автора «Карамазовых» и от будущего инока Климента, ученика афонских и оптинских старцев, видел современный христианский идеал отнюдь не в институте монашества: «... несмотря на то, что Достоевский был живая душа, любящая добро, тоскующая по Боге и верующая во Христа, его гениальные сочинения принесли... много вреда, вводя в заблуждение тех, кто принимает его героев за истинные воплощения христианского идеала и потому считает, что из христианства не вытекает другой, высший, более разумный идеал активного героя» [7, с. 147-148]. Для него в целом было характерно восприятие монашеского послушания и смирения как абсолютно пассивного начала, равного безволию [16, с.333], а иноческого безбрачия как отказа от подвига деятельной любви, то есть как шага назад в нравственном отношении по сравнению с идеалом семьи-малой Церкви: «Когда жизнь омирщилась

и верующим показалось слишком трудным осуществлять этот идеал в жизни семьи, они, чтобы не изменить этому идеалу, предпочли отказаться от семьи, обресть себя на безбрачие. Это и породило иночество» [8, с. 89]. Как ни странно, даже в среде православно мыслящей интеллигенции такое понимание находило более сторонников, нежели убеждение Достоевского в великом значении русского инока [12, с. 284]. Молитвенно-созерцательный, кроткий идеал монашества был настолько чужд большинству современников писателя, что его апологию считал искажающей подлинное христианское мировоззрение не только «церковный реформатор» Неплюев. «Послушать его (Достоевского – Е.Б.), статью на его точку зрения, – пишет 3 ноября 1880 г. профессору О. Миллеру редактор журнала «Русская мысль» С.А. Юрьев, – надо перестать думать и об экономических и о политических усовершенствованиях народной жизни... и ограничиться молитвой, христианскими беседами, монашеским смирением, сострадательными слезами и личными благодеяниями. Надо... похерить все вопросы о политической свободе, потому что Зосима и в цепях свободен <...>. Цепи в известном отношении даже любезны Зосиме: дух в страданиях возвышается. Смирись, гордый человек! Зачем искать гармонии для свободной деятельности, экономических реформ? Всё это – тлен и суета. Счастье в тебе, смиренного Бог не уничтожит, совершится чудо, и всё изменится само собою, а до того молись, смиряйся и т.д. Как на руку такая речь всем деспотам, всем эксплуататорам! Убей себя в себе! ...Так, кажется, выражается во многих местах Достоевский. Что же это значит? Это ведь не христианская проповедь, а скорее буддийская, может быть, монашеская <...> ...Мы придём к выводу иному, чем Достоевский, к другому мирозерцанию, которое, может, больше гармонизирует с христианской любовью, чем Зосимовский идеал...; но, по моему мнению, он крайне односторонен и не исчерпывает далеко истинно христианского идеала. Этот идеал – в деятельной любви ко всем направлениям жизни...» [4, с. 520].

Как видим, несмотря на высочайшую оценку Неплюевым писательского таланта Достоевского – «по необычайной силе ума и чуткости сердца, по изумительной глубине психологического анализа, его можно сравнить только с Соломоном и Макарием Великим» [7, с. 147], – в духе своего времени этот мыслитель был убеждён в том, что автор «Братьев Карамазовых» всё же не смог изобразить высший тип христианской духовности, поскольку, по мнению философа, сам не имел о нём вполне определенного представления «от недостаточного знакомства... с Божественным Откровением во всей его стройной цельности» [7, с. 148].

Библиографический список

1. Леонтьев, К.Н. О всемирной любви (Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике) // Ф.М. Достоевский и Православие: сб.ст. / сост. А.Н. Стрижев. – М., 1997.
2. Андроник (Трубачёв), игум. Преподобный Амвросий Оптинский. Жизнь и творения. – Изд-е Спасо-Преображенского Ставропигиального Валаамского монастыря, 1993.
3. Твардовская, В.Я. Достоевский в общественной жизни России (1861-1881). – М., 1990.
4. Ланский, Л.Р. Достоевский в неизданной переписке современников (1837-1881) // Литературное наследство. – М., 1973. – Т. 86.
5. Волжский (А.С. Глинка). Религиозно-нравственная проблема у Достоевского // Мир Божий. – 1905. – № 6.
6. История русской литературы XIX века: в 5 т. / под ред. Д.Н. Овсянко-Куликовского. – М., 1910. – Т. 4.
7. Неплюев, Н.Н. Полн.собр.соч.: в 5 т. – СПб., 1901. – Т. 1.
8. Неплюев, Н.Н. Путь веры. Голос верующего мирянина по поводу предстоящего Собора / сост. и предисл. Н. Игнатович. – М., 2010.
9. Неплюев, Н.Н. Христианская гармония духа // Жизнь вечная. – 1997. – № 33.
10. Светлов, П.Я., прот. Царство Божие в воззрениях Гоголя, Достоевского и Толстого // Идея Царства Божьего и её значение для христианского мирозерцания: Богословско-апологетическое исследование. – Киев, 1906.
11. Мочульский, К.В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский / сост. и послесл. В.М. Толмачёва. – М., 1995.
12. Достоевский, Ф.М. Полн. собр.соч.: в 30 т. – Л., 1976. – Т. 14.
13. С.Л. [Левицкий, С.А.]. Идеалы будущего, набросанные в романе «Братья Карамазовы» // Православное обозрение. – 1880. – № 9.
14. Миллер, О. Карамазовщина и иночество // Русские писатели после Гоголя: чтения, речи и статьи Ореста Миллера. – СПб., 1887. – Ч. I.
15. Ильин, И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики // [Э/п]. – P/d: <http://www.rulit.net/books/tvorchestvo-shmeleva-read-274824-1.html>
16. Неплюев, Н.Н. Беседы о Трудовом братстве. Частное ответное письмо священнику Иванову / сост. Н. Игнатович. – М., 2011.

Bibliography

1. Leontjev, K.N. O vseмирnoj lyubvi (Rechj F.M. Dostoevskogo na Pushkinskom prazdnike) // F.M. Dostoevskij i Pravoslavie: sb.st. / sost. A.N. Strizhov. – M., 1997.
2. Andronik (Trubachyov), igum. Prepodobnij Amvrosij Optinskij. Zhiznj i tvoreniya. – Izd-e Spaso-Preobrazhenskogo Stavropigialnogo Valaamskogo monastihrya, 1993.
3. Tvardovskaya, V.Ya. Dostoevskij v obshchestvennoj zhizni Rossii (1861-1881). – M., 1990.
4. Lanskiy, L.R. Dostoevskij v neizdannoy perepiske sovremennikov (1837-1881) // Literaturnoe nasledstvo. – M., 1973. – T. 86.
5. Volzhskiy (A.S. Glinka). Religiozno-nravstvennaya problema u Dostoevskogo // Mir Bozhij. – 1905. – № 6.
6. Istoriya russkoy literatury XIX veka: v 5 t. / pod red. D.N. Ovsyaniko-Kulikovskogo. – M., 1910. – T. 4.
7. Neplyuev, N.N. Poln.sobr.soch.: v 5 t. – SPb., 1901. – T. 1.

8. Neplyuev, N.N. Putj verih. Golos veruyuthego miryanina po povodu predstoyathego Sobora / sost. i predisl. N. Ignatovich. – M., 2010.
9. Neplyuev, N.N. Khristianskaya garmoniya dukha // Zhiznj vechnaya. – 1997. – № 33.
10. Svetlov, P.Ya., prot. Carstvo Bozhie v vozzreniyakh Gogolya, Dostoevskogo i Tolstogo // Ideya Carstva Bozhiego i eyo znachenie dlya khristianskogo mirosozercaniya: Bogoslovsko-apologeticheskoe issledovanie. – Kiev, 1906.
11. Mochul'skiy, K.V. Gogolj. Solov'yov. Dostoevskiy / sost. i poslesl. V.M. Tolmachyova. – M., 1995.
12. Dostoevskiy, F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. – L., 1976. – T. 14.
13. S.L. [Levickiy, S.A.]. Idealih buduthego, nabrosannihe v romane «Brat'ya Karamazovih» // Pravoslavnoe obozrenie. – 1880. – № 9.
14. Miller, O. Karamazovthina i inochestvo // Russkie pisateli posle Gogolya: chteniya, rechi i statji Oresta Millera. – SPb., 1887. – Ch. I.
15. Iljin, I.A. O t'me i prosvetlenii. Kniga khudozhestvennoj kritiki // [Eh/r]. – R/d: <http://www.rulit.net/books/tvorchestvo-shmeleva-read-274824-1.html>
16. Neplyuev, N.N. Besedih o Trudovom bratstve. Chastnoe otvetnoe pis'mo svyathenniku Ivanovu / sost. N. Ignatovich. – M., 2011.

Статья поступила в редакцию 02.07.14

УДК 821.161.1

Kieva Z.H. STRUCTURAL-GRAMMATICAL TYPOLOGY OF LINGUISTIC TERMINOLOGY OF THE INGUSH LANGUAGE. The article examines structural-semantic specific features of linguistic terms of the Ingush language. The structural analysis of the terms according to a number of components in the composition of terminological units and to the way of word formation is made.

Key words: monolexeme and polilexeme terms; simple, complex, and multiple terms; linguistic terminology, the Ingush language.

З.Х. Киева, ст.н.с. отдела ингушского языка Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, г. Махачкала, E-mail: uzlipat066@mail.ru

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности лингвистических терминов ингушского языка. Проводится структурный анализ терминов по количеству входящих компонентов в состав терминологической единицы и по способу словопроизводства.

Ключевые слова: монолексемные и полилексемные термины; простые, сложные и составные термины; лингвистическая терминология, ингушский язык.

Структурная типология ингушских лингвистических терминов зависит от продуктивных путей словообразования, преобладающих в лексической системе языка. Лингвистические термины оформляются в целом по распространенным в ингушском языке структурным моделям.

Объектом исследования в настоящей работе является материал лингвистической терминологии ингушского языка, до сих пор не подвергавшийся анализу.

Актуальность темы обусловлена, в первую очередь, малоисследованностью терминологической системы ингушского языка.

Научная новизна определяется, прежде всего, тем, что данное исследование представляет собой первую попытку специального исследования лингвистической терминологии ингушского языка. В этом плане, полученные в ходе исследования результаты, на наш взгляд, следует считать новыми и актуальными для ингушского языка.

Структурный анализ лингвистических терминов ингушского языка следует начинать с определения количества входящих в состав термина компонентов, а затем учитывать морфологическую и синтаксическую характеристики терминов. Лингвистические термины могут иметь различную структуру. В основу структурного анализа можно положить два признака: а) количество входящих в термин компонентов; б) способ словопроизводства [1].

С точки зрения формы словарной единицы (наличие определенного количества слов в терминологической единице) в лингвистической терминологии можно выделить две основные группы терминов: монолексемные и полилексемные. По числу компонентов выделяют термины-слова, или однословные термины-единицы, (имеющие одну корневую морфему), реже именуемые монолексемными [2], к которым могут быть отнесены и сложные термины, образованные сложением основ и имеющие слитное или дефисное написание: *оаз / звук, лард / основа, овла / корень, чаккхе / окончание, хоттарг / союз, дакхилг / частица, кхоачам / дополнение*; полилексемные – термины-словосочетания, или составные, многокомпонентные термины: *чоалхане цхьанкхийтта предложеш / сложносочиненные предложения, цхьантайпара маьжанах / однородные члены, сецара хьарак / знак препинания*.

В количественном отношении лингвистический терминологический материал ингушского языка распределяется в следующем порядке: 1) составные; 2) простые; 3) сложные. Из зафиксированных 1000 лингвистических терминов простыми являются 181, сложными – 74, остальные 749 терминологических единиц являются составными.

По структуре простые лингвистические термины ингушского языка делятся на две группы: 1) простые термины, состоящие из одного корня (непроизводные); 2) простые термины, состоящие из корня и словообразовательного аффикса (производные). В лингвистической терминологии ингушского языка засвидетельствовано сравнительно мало исконных безаффиксальных слов-терминов, простых по структуре, состоящих из одной только основы. Статистический анализ структурно-семантических типов лингвистических терминов показывает, что общее количество исконных терминов-монолексем составило около 60 единиц (6% от общего числа терминов), среди которых чуть более 20 терминов являются простыми (непроизводными) [3].

Однословные термины являются базовыми, они номинируют родовые понятия в составе полилексемных терминологических сочетаний. Как известно, родовые понятия лежат у истоков развивающегося познавательного мышления, т. е. характеризуют начало познавательной деятельности в определенной области знания. Анализ материала показал, что хотя процент однословных терминов-единиц в исследуемой терминологии относительно невысок, именно эти единицы составляют основу лингвистической терминосистемы ингушского языка. С точки зрения частеречной принадлежности однословные лингвистические термины – это имена существительные, представляющие дословный перевод русских терминов: *оаз / звук, овла / корень, дакха / слог, лард / основа, тохар / ударение, соттам / наклонение, кхоастам / определение, лоаттам / обстоятельство, чаккхе / окончание, буьзам / связь, кхоачам / дополнение*.

Простые термины (производные) состоят из корня и словообразовательного аффикса: *дожар* (инф. *дожа / падать* + суффикс *-р*) / *падеж, т1адерзар* (инф. *т1адерза / обратить* + словообразовательный суффикс *-р*) / *обращение, легар* (инф. *лега / падать* + суффикс *-р*) / *склонение, тохар* (инф. *тоха / ударить* +

суффикс *-р*) / ударение, *алар* (инф. *ала* / сказать + словообразующий суффикс *-р*) / произнесение, *произношение*; *хоттарг* (инф. *хотта* / соединить + масдарный суффикс *-р* + суффикс *-с* е) / союз; *йистилг* (сущ. *йист* / край + суффикс *-илг*) / *слог*; (прил. *лоаца* / короткий + суффикс *-л*) / *краткость* звука; *кхоачам* (основа гл. наст. вр. *кхоач* / *достигает* + суффикс *-м*) / *дополнение*. Основа глагола настоящего времени в свою очередь образуется на базе инфинитивной формы *кхача* / *доставать*. В данном случае наблюдается чередование корневого долгого звука [а] с дифтонгом *-оа*: *кх*: *кхḡа* / *доставать* → *кхоача* / *доставший* → *кхоачам* / *доставление*.

Сложный термин представляет собой семантическое сращение, воплощающее в себе единство означаемого и означающего. Подобное словосочетание соотносится с выражаемым понятием целостным значением, которое, как правило, не выводится из значений компонентов.

Обязательный внешний признак сложных лингвистических терминов ингушского языка в структурном плане – это то, что они передаются на русском языке одним словом-термином. Все это говорит о семантическом слиянии компонентов в единое целое, в результате чего словосочетание превращается в спаянную лексическую единицу. К этой группе относятся термины, образованные путем определительного сложения двух или трех слов или основ, а также термины – парные слова. Примером таких сложных терминов могут служить словоформы ингушского языка: *куцдош* / *наречие*, *цтерметтдош* / *местоимение*, *юе-дуллар* / *приложение*, *белгалдош* / *имя прилагательное*, *айдардош* / *междометие*. Термины – составные кальки являются бывшими свободными словосочетаниями, которые в результате лексикализации приобретают семантическую цельность, проявляющуюся в устойчивой связи его компонентов. Терминологическое значение составного термина выводится из общего значения его компонентов. При этом терминологическое значение опорного компонента распространяется на все словосочетание.

Значительное место занимают исконные первичные основы имен существительных. Ядерный компонент-существительное выделяется в словосочетании фиксированностью своего места. Он стоит в ряду, как правило, замыкающим и распространяет свой терминологический родовой признак на все словосочетание, ср.: *гулдара таьрахьдош* / *собирательное числительное*, *арг1ан таьрахьдош* / *порядковое числительное*, *массалий таьрахьдош* / *количественное числительное* и т.д.

Составные лингвистические термины ингушского языка характеризуются широким разнообразием структурных моделей. Тот факт, что сочетание слов в ингушской терминологии является основным способом образования слов, обуславливает значительное количественное доминирование в нем составных словообразований. Наличие в составе лингвистической терминологии двух-, трех-, четырех- терминологических сочетаний, а в некоторых случаях и пятикомпонентных терминологических сочетаний, свидетельствует о том, что сфера лингвистики интенсивно развивается, изменяется и становится сложнее по своей структуре: *цхьа ма1ан дола дош* / *однозначное слово хоттаргаш доаца чоалхане предложени* / *бессоюзное сложное предложение*, *цхьалханеча предложени тайпаш* / *виды простого предложения*, *барт беш бола кьоастам* и т.д.

В целом, в структурном отношении лингвистическая терминология ингушского языка представляет собой единую систему, формирование которой произошло по тем же способам, с помощью которых образуются лексические номинации общелитературного языка. Лингвистические термины оформляются в основном по распространенным в ингушском языке структурным моделям, разница проявляется лишь в том, что определенный способ образования терминов отличается большей или меньшей продуктивностью.

Библиографический список

1. Гринев-Гриневиц, С.В. Введение в терминоведение. – М., 2008.
2. Лазарева, М.А. Сопоставительный анализ метеорологической лексики английского и русских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000.
3. Гандалоева, А.З. Ингушский язык: учебник для студентов 1 курса. – Магас, 2009.

Bibliography

1. Grinev-Grinevich, S.V. Vvedenie v terminovedenie. – M., 2008.
2. Lazareva, M.A. Sopostavitel'nyj analiz meteorologicheskoy leksiki anglijskogo i russkikh yazikov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2000.
3. Gandaloeva, A.Z. Ingushskij yazikh: uchebnik dlya studentov 1 kursa. – Magas, 2009.

Статья поступила в редакцию 09.07.14

УДК 811.111

Lukoshus O.G. MODELING THE SEMANTIC STRUCTURE OF A RUSSIAN POLYSEMANTIC ADJECTIVE *ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ*. This paper focuses on the semantic model of a polysemantic adjective *действительный* 'actual', based on a hypothesis and deductive method as well as a semantic experiment. In the course of the research the meanings in the semantic structure of this Russian adjective under study have been identified.

Key words: semantic structure; polysemantic adjective; reality; information.

О.Г. Лукошус, аспирант каф. западноевропейских языков и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, E-mail: kim8807@rambler.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ*

Статья посвящена моделированию семантической структуры многозначного прилагательного *действительный* на основе гипотетико-дедуктивного метода с применением семантического эксперимента. В ходе исследования были выделены значения в семантической структуре исследуемого прилагательного на материале опытных данных.

Ключевые слова: семантическая структуры; многозначное прилагательное; действительность; информация.

В работе «История слов» В.В. Виноградов раскрывает историю слов и устойчивых сочетаний и исследует пути развития русской лексики в неразрывной связи с развитием историчес-

кой, социальной и культурной мысли русского народа. В этой же книге представлена статья, посвященная развитию слова *действительность*. Как известно, оно образовано от прилагатель-

ного *действительный*, которое, в свою очередь, произошло от глагола *действити*. Слово *действительный* получило широкое обращение в русском литературном языке во второй половине XVII в., с появлением модной в то время тенденции к употреблению в высоком стиле прилагательных с суффиксом *-тельный*. Как отмечает В.В. Виноградов, изначально *действительный* обозначало «действующий, активный, имеющий полную свою силу, действенный» и конкурировало с более ранним старославянским прилагательным *действенный*. Употребление прилагательного *действительный* в рамках официально-делового стиля привело к появлению у слова новых оттенков: 1) фактический, осуществляемый на деле, в противоположность номинальному, существующему только на словах, формально. Например, *действительная служба, действительный член*; 2) точный, истинный, подлинный, не подлежащий сомнению: *это его действительные слова*. Оба значения развились у слова *действительный* в русском литературном языке XVIII в. [1, с. 131-132].

Эта система значений прилагательного *действительный* нашла ясное отражение в словарях второй половины XIX века: «*Действительный* – 1) Имеющий полную свою силу. *Действительное лекарство*. 2) Не подлежащий сомнению; точный, истинный. *Это его действительные слова. Действительный тайный советник*. Чин 2 класса. – *Действительный статский советник*. Чин 4 класса. – *Действительная служба*. Служба, отправляемая самым делом. – *Действительный член*. Член ученого общества, действительно исполняющий свои обязанности по обществу. – *Действительный глагол*. Глагол, обозначающий действие одного предмета на другой» [1, с. 132].

Обратимся к тому, каким образом современные толковые словари русского языка определяют исследуемое прилагательное. В толковом словаре С.И. Ожегова представлена следующая дефиниция: *Действительный* 1. Существующий на самом деле, *настоящий* (подчёркивание моё – О.Г. Лукошус), подлинный. *Не выдумка, а действительный факт*. 2. Производящий, оказывающий нужное действие. *Применить действительное средство*. 3. Сохраняющий силу. *Удостоверение действительное на один месяц*. [2, с. 138]. Таким образом, кардинальных изменений в историческом развитии семантики слова с момента начала его широкого употребления в речи не наблюдается.

Широкий контекстный и дистрибутивный анализ данных корпуса русского языка позволил выявить, по крайней мере, четыре группы единиц, употребляющихся с исследуемым прилагательным: 1 – с существительными, обозначающими должности/чин/профессию – *действительный государственный советник, действительный врач, действительный солдат*; 2 – в сочетаниях, означающих «тот, который был на самом деле» *действительный предмет, действительный размер вреда, действительный ВВП*; 3 – в сочетаниях со значением «имеющий силу» *действительный билет, действительный загранпаспорт, действительный талон*; 4 – в сочетаниях, синонимичных прилагательным *настоящий, истинный* – *действительный оратор, действительный носитель веры, действительный прообраз* и др. Предпримем попытку определить семантические особенности прилагательного *действительный*, отличающие его от синонимов *настоящий* и *реальный*.

Первое значение прилагательного *действительный* является терминологическим и имеет в своей основе словарное значение: некоторый объект X, обладающий определенными профессиональными знаниями/знаниями, являющийся членом/представителем общества Y-ов, обладающий всей полнотой прав Y-ов и выполняющий определённые обязательства/функции по отношению к этому обществу: *Действительный статский советник (штатский генерал), он бывал на обедах у "самого" генерал-губернатора Москвы Долгорукова и благодаря Владимиру Гиляровскому остался памятен потомкам гениальной по простодушию фразой: "Ну что вы всё Лазарь Соломонович, да Лазарь Соломонович..."* В данном примере X = действительный статский советник – является одним из действительных статских советников, составляющих общество Y-ов (статских советников), обладает правами и обязанностями, характеризующими данный чин в Российской империи, а именно – право на потомственное дворянство, право занимать должность губернатора, градоначальника, право определять курс политики государства и иметь высокий должностной оклад. В отличие от статского советника, чья должность соответствовала некоторому званию между полковником и генерал-майором, действительный стат-

ский советник приравнялся к генерал-майору: *Не сегодня-завтра – действительный статский, чин генеральский. По чину он капитан второго ранга, а по-ихнему, морскому, это всё равно, что генерал-майор, или в гражданской – действительный статский советник*.

Рассмотрим другой пример, иллюстрирующий первое значение исследуемого прилагательного: *Полковник, действительный член Русского географического общества и член фотографического отдела Русского технического общества, автор книги «Применение фотографии к путешествиям», Вишняков работал в жанре фотографического пейзажа*. Объект – X (полковник), является членом общества Y-ов (членов Русского географического общества), обладает правом участвовать в работе Общества, быть избранным в любой орган Общества, получать полную информацию о деятельности Общества и т.д. Являясь действительным членом, обязан активно участвовать в различной деятельности Общества и др. Как правило, действительными членами любого общества становятся академики, профессора, доктора/кандидаты наук, то есть лица, являющиеся видными специалистами в различных областях (в отличие от «простого члена общества», которым может стать любое лицо, заинтересованное в деятельности данного Общества и обладающее некими знаниями в области, находящейся в компетенции данного научного объединения). Ср.: *Когда после долгих приключений потерпевшие крушение японские моряки появились в Иркутске, там находился действительный член Петербургской академии наук Кирилл Густавович Лаксман*.

В рамках первого значения прилагательного *действительный* представляется возможным выделить ряд случаев, в которых информация, которую вносит исследуемое прилагательное, эксплицитно не связана с формальным, официальным включением объекта X в качестве члена в какое-либо общество Y-ов. Однако за этим значением закреплена информация о том, что X всё-таки является членом общества Y-ов, при этом также обладает правами/обязанностями Y-ов и выполняет функцию Y-ов = выступает в качестве Y. Например, *«Отец – запасный младший фейерверкер из вольноопределяющихся, действительный студент Исаак Иосифович Пастернак, мать – Райца (она же Роза) Срулева Кауфман (по отцу)»*. Объект X – отец, входит в качестве члена в общество Y-ов (студентов) = в данный момент выполняет все функции студента = является в данный момент студентом. Ср.: *Постоянный член Хартумской международной исламской конференции, действительный представитель всемирной ассамблеи «Люди дома Пророка» в России (X выполняет функции представителя обществ группы Y-ов). Этот знаменитый в дореволюционное время иеромонах-черносотенец и действительный деятель Союза русского народа, особо приближенный к Распутину, ухитрился – уже после революции – стать ярким революционером и обновленцем*.

Особый интерес вызывает сочетание *действительный солдат*. Например, *А Митька и виду не подаёт, да ему встреча: «Ты, Акимка, не задирайся, и тебя за машинку взять можно, я есть действительный солдат с австрийского фронта, два раза раненный и действительный дезертир, да кругом один, а у тебя, Акимка, не забудь, родной племянник Петька дезертир, шуриш дезертир, свояк дезертир»*. Данное предложение в опросе информантов получило оценку 2, что означает, что данная конструкция в общем правильная, но сами опрошенные никогда бы не использовали данную модель. В комментариях информантов было предложено использовать модель *солдат действительной службы*. Однако данные корпуса русского языка показали, что в целом было зафиксировано только 2 случая употребления данной модели.

Как известно, действительная военная служба является основным видом воинской службы и заключается в исполнении гражданами установленной законом воинской обязанности (воинской повинности) непосредственно в рядах вооружённых сил в течение определённых сроков. Отметим, что модели, описывающие данное явление (*действительный солдат, солдат действительной службы, действительная служба*), согласно корпусным данным, не отличаются частотностью употребления и встречаются в художественных произведениях конца 19 – начала 20 веков.

Таким образом, первое значение прилагательного *действительный* представляет собой терминологическое значение, в основе которого лежит представление о том, что объект X входит в класс Y-ов в качестве члена и выполняет функции, харак-

теризующие всех членов данного класса. В этом значении, при замене прилагательного *действительный* на *настоящий*, который приписывает объекту X некоторые свойства объектов, характерных для объектов класса Y-ков, и наличие этих свойств позволяет отнести объект X к классу Y-ков при сохранении объектом качественной определенности, полученные предложения будут отмечены как неупотребляемые, так как в случае с *действительный* речь идёт о выполнении X-ом функций, характеризующих класс, к которому он относится. Ср.: *Это был старый уже человек, бывший крупный чиновник министерства торговли и промышленности (кажется, **действительный статский советник** – *настоящий статский советник), оставшийся на службе и в советские времена, и еще до моего приезда в Москву назначенный Елизаровым управляющим делами комиссариата.*

В ряде случаев взаимозамена возможна, однако информация, вносимая этими словами, различна (в данном случае *действительный* и *настоящий* не являются синонимами, поскольку первое значение *действительного* представляет собой терминологическое): *Прекрасный друг. Мой **действительный** учитель. Бурлюк сделал меня поэтом* (X выполняет в данный момент функции Y). *Прекрасный друг. Мой **настоящий** учитель. Бурлюк сделал меня поэтом* (объект X обладает всеми признаками, позволяющими отнести его к лучшим представителям класса Y-ов).

Второе значение прилагательного *действительный* тесным образом связано с представлением о *действительности*. Философская энциклопедия определяет действительность как «объективную реальность, как конкретно развитую совокупность природных и общественно-исторических явлений» [3, с. 442]. Действительность, как правило, противопоставляется фантазиям, неосуществленным и неосуществимым планам, иллюзиям, намерениям, нереализованным возможностям и всему, что скрывает подлинную картину и истинное содержание явлений, событий, взглядов и теорий. Важно отметить, что действительность есть система реально существующих фактов, она складывается на самом деле независимо от воли и сознания людей.

В отличие от *действительности* *реальность* трактуется как 1) объективная реальность, то есть материя в совокупности различных ее видов (в данном смысле реальность противопоставляется субъективной реальности, то есть явлениям сознания); 2) всё существующее, то есть весь материальный мир, включая все его идеальные продукты. В этом смысле реальны ошибки и иллюзии [3, с. 477].

Таким образом, под *действительностью* понимается только объективное положение дел и явлений, в то время как *реальность* включает в себя всё существующее, в том числе фантазии, иллюзии и ошибки.

Рассмотрим, каким образом философские представления о действительности и реальности отражены в семантике исследуемого прилагательного.

Представляется возможным говорить о наличии в семантике прилагательного *действительный* следующего значения: объект X соответствует объективному положению дел/объективно существующим фактам: *Впрочем, дотошный рассказчик-наблюдатель в самых разнообразных реакциях на «минуты роковые» стремится усмотреть и сформулировать общее: живущие в эпоху перемен люди бегут прочь от реальности, подменяют **действительный** мир желаемым.* В данном примере исследуемое прилагательное в сочетании с существительным «мир» (объект X) вносит информацию о соответствии X-а объективному, реальному положению дел – мир, который существует на самом деле, который окружает нас и противопоставлен миру «желаемому, воображаемому, фантазийному».

Аналогичное значение возможно наблюдать в следующих примерах:

*Единственное, что автор вам может рассказать в качестве предисловия к совсем другой истории, – **действительный факт** из собственного анамнеза* (тот факт, который объективно подтвержден).

*Изначальный и нынешний **действительный потенциал** террористических структур никто не подсчитывал и вряд ли может подсчитать* (объективный потенциал, которым обладает X).

При анализе данного значения исследуемого прилагательного был использован тест на свободную интерпретацию. Этот тип тестов получил своё обоснование и развитие в работах Т.Д. Шабановой, О.С. Белайчук, Г.А. Парфёновой (см. [4; 5; 6]).

Информантам было предложено контрастивное употребление двух синонимичных единиц в одном и том же предложении. Задача информантов заключалась в определении различия между ситуациями и сводилась к определению, ощущают ли они какие-либо различия в описании ситуации, если да, то какие. Например, а) *Это был **действительный** предмет.* б) *Этот был **реальный** предмет.* а) *Толчком к агрессии послужил **действительный** намек.* б) *Толчком к агрессии послужил **реальный** намек.* а) *За основу взято **действительное** событие.* б) *За основу взято **реальное** событие.*

Комментарии, полученные от информантов, в целом подтверждают исследовательскую гипотезу о наличии интегрального признака в семантической структуре многозначных прилагательных *действительный* и *реальный*. Данный признак может быть определен следующим образом: у говорящего есть некоторые сомнения о реальности X-а и полисеманты *действительный 2* и *реальный 2* вносят информацию о том, что объект X существует в объективной действительности, а не в воображении говорящего или его/её мысленных представлениях. Например, *Все самые неестественные лица и события были для меня так же живы, как действительность, я не только не смел заподозрить автора во лжи, но сам автор не существовал для меня, а сами собой являлись передо мной, из печатной книги, живые, **действительные люди и события**.* Ср.: ... *являлись передо мной, из печатной книги, живые, **реальные люди и события*** (те люди и события, которые имели место в объективной действительности).

Следует отметить, что дистрибутивная частотность данных полисемантов в одинаковых контекстах различна. Так, например, сочетание *действительный человек* встречается в национальном корпусе русского языка 6 раз, в то время как сочетание *реальный человек* – 20 раз (ср., например, *реальное событие (18) – действительное событие (4), реальный потенциал (6) – действительный потенциал (1)* и др.). Данные корпусного анализа показали, что полисемант *действительный* широко использовался в период с 1725 по 1925 гг., а частотность употребления полисеманта *реальный* возрастает с середины 1950-х гг. и пик приходится на начало 2000-х гг. Этим объясняется низкая оценка информантами таких высказываний, как *За основу взято **действительное** событие* (получило оценку 1 – так не говорят), хотя в корпусе обнаруживается, по крайней мере, 4 случая употребления.

Таким образом, второе значение прилагательного *действительный* имеет следующий вид: *действительный 2* – вносит информацию о том, что говорящий, вопреки возможным ожиданиям, утверждает, что Р соответствует объективной действительности. Данное значение исследуемого прилагательного находит отражение в многочисленных примерах, а также соответствует первому значению английского прилагательного *true 1 X* – X соответствует действительности (говорящий констатирует соответствие X-а действительности).

Действительный 3 – вносит информацию о том, что X обладает валидностью (законностью, юридической силой). Например, *Для получения визы необходимы: **загранпаспорт, действительный** еще минимум три месяца со дня окончания поездки; анкета; одна фотография.*

Следует отметить, что на первый взгляд возможна замена в ряде случаев прилагательного *действительный* его синонимом *настоящий*. Ср.: *Призывы святых отцов, подвижников, духовников к тому, чтобы в течение поста совершать **действительный подвиг**, отречься от всего грешного, отвернуться от всего, что чуждо Богу, от всего, что было причиной и воплощения Христова, и Его крестной смерти, – этот призыв затмил нечто основное в посте. Vs ... совершать **настоящий подвиг**, отречься от всего грешного, ...* Оба высказывания оцениваются носителями русского языка как правильные. Понятно, что информация, вносимая синонимами, различна. Так, в случае с прилагательным *действительный* вносится информация о том, что субъект совершит некое действие, которое приведет к определенным результатам – в данном примере, приблизит субъекта к Богу в результате его отречения от всего, что чуждо Богу. Иными словами, речь идёт о поведении субъекта. В случае с *настоящий* информация, которую оно вносит, относится не к поведению субъекта, а к характеристикам объекта X (подвиг). Иными словами, акцент переносится на то, что считается лучшим подвигом, то есть на оценочные характеристики объекта, а не на поведение субъекта.

Итак, исследование показало, что в семантической структуре прилагательного *действительный* представляется возможным выделить, по крайней мере, три основных значения: *действительный 1* – объект X входит в класс Y-ов в качестве члена и выполняет функции, характеризующие всех членов данного класса; *действительный 2* – вносит информацию о соответ-

ствии X-а объективной реальности; *действительный 3* – вносит информацию о том, что X обладает валидностью (законностью, юридической силой).

В ряде случаев, безусловно, возможна замена прилагательного *действительный* его синонимом *настоящий*, однако информация, вносимая данными прилагательными, различна.

Библиографический список

1. Виноградов, В.В. История слов. – М., 1999.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1999.
3. Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова. – М., 1960.
4. Шабанова, Т.Д. Семантическая модель глаголов зрения в английском языке. Теоретико-экспериментальное исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1998.
5. Белаичук О.С. Типологически релевантные особенности концепта отказа/отрицания и контрастивный анализ семантики глаголов отказа/отрицания в английском и шведском языках: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004.
6. Парфёнова, Г.А. Семантические представления, релевантные для описания концепта начинать/начинаться: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009.

Bibliography

1. Vinogradov, V.V. Istoriya slov. – M., 1999.
2. Ozhegov, S.I. Tolkoviy slovarj russkogo yazihka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M., 1999.
3. Filosofskaya ehnciklopediya / pod red. F.V. Konstantinova. – M., 1960.
4. Shabanova, T.D. Semanticheskaya modelj glagolov zreniya v angliyskom yazihke. Teoretiko-ehksperimentalnoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 1998.
5. Belaychuk O.S. Tipologicheski relevantnihe osobennosti koncepta otказа/otricaniya i kontrastivnihy analiz semantiki glagolov otказа/otricaniya v angliyskom i shvedskom yazihkakh: dis. .... kand. filol. nauk. – M., 2004.
6. Parfyonova, G.A. Semanticheskie predstavleniya, relevantnihe dlya opisaniya koncepta nachinatj/nachinatjsya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2009.

Статья поступила в редакцию 12.06.14

УДК 81-114.4

Ostanina M.A. PHONETICIZATION OF LOANWORDS FROM RUSSIAN IN THE MODERN ALTAI LANGUAGE.

The paper observes a problem of borrowing words by the Altai language in the modern period of its development. The principle of vowel harmony is seen as a typological characteristic of the Altai phonological system with reference to loanwords from Russian. The author studies the phoneticization of adopted words and offers 11 types of morphophonological changes that concern either the reduction of a borrowed word, developing new syllables or qualitative changes of its acoustic image. The research also sheds light upon a principle of conservation of phonetic typological self-identification of a language in conditions of increasing vocabulary update by means of loaning words from another language. The paper presents many examples of borrowed words from Russian in modern Altai.

Key words: phoneticization of loanwords, phonological and morphological adaptation of Russian loanwords, Altai affixation, vowel harmony in Turkic languages.

M.A. Останина, канд. филол. наук, доц. каф. германских языков и МПИН Горно-Алтайского гос. университета, г. Горно-Алтайск, E-mail: maria-ostanina@yandex.ru

ФОНЕТИЗАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

Статья посвящена заимствованиям в алтайском языке в современный период его развития. В ней рассматривается принцип действия гармонии гласных как типологическая характеристика алтайской фонологической системы на материале заимствований из русского языка. Исследуя фонетизацию заимствованных слов, автор предлагает выделять 11 типов морфофонетических изменений, касающихся редукции слова, появления в его составе дополнительных слогов и качественных изменений звукового состава. В работе затрагивается вопрос о принципе сохранения фонетической типологической самоидентификации языка в условиях стремительного пополнения словаря за счет заимствований из другого языка. В работе приводятся многочисленные примеры русских заимствований.

Ключевые слова: фонетизация заимствований, фонетическая и морфологическая адаптация русских заимствований, правила аффиксации в алтайском языке, гармония гласных в тюркских языках.

The rule of vowel and consonant harmony actualizes both in stems of words and in inflections. In an agglutinative Altai language the word-changing and derivational inflections depend on both the ending consonants and the vowels in the stem as in many other Turkic languages, where the rule of harmony remains actual. Because of the rule of consonant and vowel harmony Altai inflections have many variants: e.g. up to 12 phonetic variants for the Elative case and 14 phonetic variants for Dative. This makes the system of affixation phonetically very diverse. The rules of choice of the inflection operate very strictly with all of the language's words. The study of words borrowed from other languages, which lack the

consonant-and-vowel-harmony principal, and accepted by Altai at present time (these are mainly words from the Russian language) shows a surprising effect of the phonological structure of word-forming and word-changing endings even with the borrowed words. It is important to note a high potential of the Altai language to "welcome" and phonetically adapt the new words in accordance with the rules of its phonological system. The phonological and morphological adaptation of Russian words by Altai is a special concern of this research. The modern processes of borrowed Russian words in this language haven't been given a thorough study, in

contrast to the fund of loanwords in Altai, conducted in a diachronic aspect by a great number of researchers.

The **phonomorphological adaptation** means that words borrowed from a donor language by a recipient language undergo phonetic and morphological changes. Though, not all of the words, borrowed from the Russian language into the modern Altai language show changes, this means that not all of loanwords need the necessity of phonetic or morphological adaptation. The modern Altai speakers also speak Russian, and the use of Russian words in the Altai language context can't stand in the way of clear understanding. It wouldn't work the same, though, with words borrowed from other languages, that the Altai people don't speak as their mother tongue, let's say Chinese or Farsi. On the contrary, Russian words are used every time when an Altai speaker feels difficulty with the expression of some idea in the Altai or due to other reasons.

The questions, connected with loaning words into the Altai language as well as into other Turkic languages, especially if their speakers live in the Russian Federation, are of great importance. They are determined by social interethnic communication in all spheres of life of the society. The nature of many Russian loanwords in a newspaper style is mainly connected with the following reasons:

- compensation of the lack of lexical units in the Altai language;
- a function of transferring of authentic information (like names of laws, newspapers, books, etc.);
- an attempt to attract attention of a reader to some information;
- an intention to make a message in the Altai language sound more expressive, modern;
- economizing the language means.

According to the data that I acquired from counting the borrowed Russian words in a February issue of "Altaydyn Cholmony" in 2014, a republican newspaper published in the Altai language, there is 10.55% of the Russian words in one issue of the newspaper, which is equal to exactly 1,040 words. The percentage of the words with Russian origin is not too high, especially if we view the fact that many of these words appear in texts many times (and still this number is considerable): *республика* (republic) – 45 times; *бюджет* (budget) – 24 times; *республикан* (republican) – 21 times; *федерал* (federal) – 18 times; *председатель* (chairman) – 15 times; *школа* (school) – 14 times; *культура* (culture) – 14 times; *газет* (newspaper) – 13 times; *партия* (party) – 12 times; *министерство* (ministry) – 12 times. These ten **most frequent words** comprise 18.08% of all cases of the usage of words with the Russian origin in one issue of the newspaper. Without considering the frequency of the loanwords their total number is 396, i.e. the vocabulary of one issue of "Altaydyn Cholmony" has 396 of words, including words that have changed their structure in the Altai language, compound words with both Russian and Altai roots, Altai derivatives from Russian words.

The research of N.M. Vasilieva of rules of spelling Russian borrowed words in the Yakut language showed the tendency for a greater degree of borrowing by the Yakut language as showed by the statistics in her research of the Yakut newspapers from 2003 to 2013. The number of loanwords increased from 640 to 940 words in one issue of a newspaper. The researcher has analyzed the phonetic adaptation of the Russian words in the Yakut texts and found interesting results. The phoneticization of the Russian loanwords became more frequent: for only 25.5% of the borrowed words in 2003 and for 42.6% of the borrowed words in a news paper published in 2013 [1, c. 39].

This research of N.M. Vasilieva registers two important correlating processes in the sphere of loaning the Russian words by a recipient language in Russia: (1) a tendency for more frequent borrowing of words and (2) a tendency for their phoneticization. I think that a greater degree of changing the phonetic structure of a loanword (that also may involve the changes in the morphological structure) is a mechanism that a recipient language develops to protect its identity. More frequent phoneticization is connected with a greater number of new words in a language that it tries to recognize as the words of its own because of their considerable quantity. I would name this dependence of a number of a borrowed words and the level of their phonetic adaptation **a principle of protection of a language phonetic typological self-identification under conditions of enriching lexical system due to borrowing words from another language**. This means that there is a direct correlation between a number of new borrowed words and a of a language's reaction on the level of how these words will be adapted: either the borrowed words sound the same way as in a donor language, or the phonological system of a recipient language will use its means to adapt them to sound the way, which it feels more convenient.

Languages may not only borrow words, but also suffixes, inflections and syntactical structures. A.Yu. Rusakov notes different inflectional affixes for the Gypsy language, which were adopted at different periods of time as a result of interlanguage contacts and were substituted by some new inflectional endings that it acquired from other contacts with some languages later, still keeping its original means for affixation [2, c. 699]. This example should be consider as the language's way for its "protection". The principle that I describe in this paper is mainly connected with saving typological characteristics in phonology of a language, such as the composition of vowel and consonant systems and the typology of a syllable structure.

In this paper I will observe the problem of phonological and morphological adaptation of the Russian lexical stems, when they are used in the Altai written texts. A special focus is done on the norms of derivational and inflectional affixation with the Russian words that are formed due to a journalistic genre.

Though, the study of borrowed words in the Altai language is not a new topic, the question of borrowed words from Russian in the Altai language hasn't been thoroughly studied. The analysis of published research materials shows that in this sphere the study of loaning words is done mainly within a historical approach, when the origin of the Altai words is traced back to their older roots.

The borrowing of lexical units from Russian by other Turkic languages, spoken in the Russian Federation, were observed in the works of T.I. Ibragimov. In his article with a coauthor R.E. Kulsharipova [3] some figures referring to borrowed words in the Tatar lexicon are given. The researchers say that 46% of lexical units in the Tatar language have Russian stems.

The consonant and vowel harmony is a typological property of phonological organization of a word in the Altai language. Talking about vowel harmony in Altai, the type of **progressive harmony** is typical of a word that means that the first syllable influences the choice of the vowel in the next syllable. For example, the palatal-tending vowels /e/, /w/, /q/ and /e/ in the first syllable determine the use of the same vowels in the following syllables of the stem, word-building suffixes, inflections and even some particles and conjunctions that may come after the word (*һеме – һемелер*). The same rule works with not-palatal-tending vowels /a/, /y/, /o/ and /y/ (*Албатыга ба?*). What does it mean to the borrowed words from a language that doesn't have the same order of the vowels in its words? To answer this question, I have studied the newspaper "Altaydyn Cholmony", which gave a rich material of how the Russian words are used in the Altai articles.

The material makes it clear that a borrowed Russian word itself doesn't normally change its vocalic structure the way it happens with the Altai words: there is no tendency in vowel alteration at all. In general, the structure of the borrowed Russian words may remain the same except for a few rare words that express **reverse vowel harmony**. The condition for this type of vowel harmony is when one syllable causes the vowel alteration of the previous syllable (or syllables) in the word. The common example for this phenomenon is the words *бүгүн* (today): [y] → [y̆]: *бу* (this) + *күн* (day) → *бүгүн*.

By the typological structure, the reverse harmony cannot be typical for the Altai language because this language belongs to a type of agglutinative languages. The examples of reverse harmony in Altai are very rare; e.g., the Russian word *колесо* (wheel) changes into the word of *көлөсө* under the influence of the second syllable with the front vowel. When the word takes a derivational affix, it reminds about its Russian origin even less: *эки көлөсөлү көлүктөр* (two-wheeled vehicles).

When it comes to the Altai affixation rules, the principle of vowel harmony remains actual, and it begins to work from the last syllable of the borrowed stem. A few examples below will show how the Russian words are introduced into the phonological system of the Altai language with the vowel harmony being so strongly followed in every single word. Here the parts of words before "=" correspond to the Russian original form.

Genitive: *министерство=нын политика=зы* (the policy of the ministry); *химия=нын* [x'im'i'yanyn] *үредүчиси* (Chemistry teacher).

Locative: *литература=да* (in literature); *факультет=те* (at the university department); Dative: *видео=го сок-* (to make video).

Instrumental: *хоккей=ле турнир* (hockey tournament).

An only example that I can give in this article, when the rule of vocal harmony takes place earlier than at the last syllable – at the syllable next to the last. This is an example of a spoken variant of

the written form Alt. "Связнойдо" (in "Svyaznoy" bank). In the oral speech this word may have a variant of "Связнойдо" [св'изн'ойдо]. The sound [ö] in the second syllable appears under the influence of the qualitative change of the first vowel in the first syllable, when it is pronounced within the norms of the Russian language.

The stem changes or changes of the whole borrowed words that are found in this research have different nature and can be classified into a few groups, depending on the type of their morphophonological adaptation. The words that undergo some phonetic changing are called phoneticized. The level of phoneticization can be different. Zero-phoneticization is found in many Russian words in the Altai language. The analysis of the Russian borrowed words in "Altai Chomony" newspaper says that 89 per cent of the Russian words are not phoneticized. They are used in the form they are used in the Russian language and take derivational and inflectional affixation according to the phonetic rules of the Altai language. In the research conducted by N.M. Vasilieva, from the whole number of the Russian borrowed words in a Yakut newspaper almost 29 per cent were phoneticized [4, с. 169].

I propose to distinguish **three types of adaptation** of Russian loanwords in the modern Altai language: 1) loanwords with no phonetic and morphological changes in the stem of Russian words; 2) loanwords with some phonetic changes and no changes in morphology of Russian words; 3) loanwords with considerable phonetic and morphological changes in a Russian word. In this work I don't describe the loanwords of the first type, but study the words of the second and the third types.

Being focused on the changes and the degree of changes in words in the process of borrowing, I distinguish **11 kinds of changes** in Russian words.

1. Reduction of final vowels in nouns:

Rus. *газета* (newspaper) – Alt. *газет*: *газед=ус* (our newspaper), *газет=тип ишчилери* (workers of the newspaper);

Rus. *каникулы* (vacations) – Alt. sing. *каникул* (vacations), pl. *каникул=дар* (vacations);

Rus. *секунда* (a second) – Alt. *секунд*: *секунд=ка* (in one second);

Rus. *школа* (school) – Alt. *школ*: *школ=дын каникул=ы* (school holidays), *школ=дор* (schools), *школ=го бар-* (to go to school).

2. Reduction of endings and suffixes in adjectives:

Rus. *автономный* (autonomous) – Alt. *автоном*;

Rus. *гражданский* (civil) – Alt. *граждан*;

Rus. *гуманитарный* (humanitarian) – Alt. *гуманитар*;

Rus. *корейский* (referring to Korea) – Alt. *корей*;

Rus. *муниципальный* (municipal) – Alt. *муниципал*;

Rus. *олимпийский* (Olympic) – Alt. *олимпий*;

Rus. *республиканский* (republican) – Alt. *республикан*: *республикан байрам* (republican holiday);

Rus. *электронный* (electronic) – Alt. *электрон*: *электрон бедем* (electronic / digital form).

3. Reduction of suffixes in nouns:

Rus. *кореец* [кор'еѐц] (a citizen of Korea) – Alt. *корей* (a citizen of Korea).

4. Reduction of endings in verbs:

Rus. *буксовать* (to spin (about wheels)) – Alt. *буксовайта-* (to spin).

5. Considerable reduction of stems:

Rus. *граница* (a border) – Alt. *гран ары янында* (abroad), *гран ары янынан* (from abroad);

Rus. *крест* (a cross) – Alt. *крес*: *крес=ке түш-* (to cross oneself);

Rus. *счёт* (counting) – Alt. *чот*: *чотко* (to the account).

6. Reduction of a stem in borrowed nouns ending with -уст, -сть to -у, when the nouns are used with the relative affix as in Type 3 Isophet:

Rus. *артист* (actor) – Alt. *театрдын арти=зу* (an actor of the theater);

Rus. *альпинист* (mountain climber) – Alt. *Барнаулдын альпини=зу* (a mountain climber from Barnaul);

Rus. *область* (district) – Alt. *Кемерово обла=зы=н=да* (in Kemerovo District).

Though, this rule doesn't work with the word *журналист* (journalist): Alt. *газеттин журналист=и* (newspaper journalist).

With case inflections and the suffix of plural form the whole stem of the words that end in -уст is used. The words that end in -сть lose the letter "ь". These are the examples:

Nominative / Plural form: *артист=тер*, *альпинист=тер*, *област=тер*;

Genitive: *артист=тин*, *альпинист=тын*, *област=тын*;

Dative: *артист=ка*, *област=та*.

7. Forming of an additional syllable:

Rus. *верста* (measure of length) – Alt. *бе-рус-те* (verst, a unit of measuring distance);

Rus. *столб* (post) – Alt. *стол-мо* (post);

Rus. *церковь* (church) – Alt. *церк-ве* (church): *церкве=зу* (his church), *церкве=зе бар-* (to go to church).

8. Change of a vowel in a syllable under the influence of next vowels:

Rus. *обрат* (skim milk) – Alt. *абрат* (skim milk);

Rus. *замок* (lock) – Alt. *сомок* (lock).

9. Change of a vowel in a syllable under the influence of previous vowels:

Rus. *деревня* (village) – Alt. *деремне* (village), where dentolabial [в] also changed into labial [м];

Rus. *доска* (board) – Alt. *доско* (board): *күндүлү доско* (a board for honored people); cf. Uig. *دوسكا* [dos'ka], where the vowel in the last syllable is not adapted to the first syllable;

Rus. *картошка* (potato) – Alt. *картошко* (potato);

Rus. *неделя* (week) – Alt. *неделе* (week): *откын недеде=де* (last week); compare with Yak. *нэдиэлэ*;

Rus. *печка* (stove) – Alt. *печке* (stove).

10. Change of breath consonants [к], [п], [с], [т] and [х] in the final position, if they are not preceded with other consonants.

It is worth noting that words, borrowed by the Altai language and which show no changes in the stem, can still undergo some changes in its structure, when they change their form. This group of words includes those Russian words that end in letters "б", "з", "к", "т" and "х". The change of breath consonants into sonants [п] – [б], [с] – [з], [к] / [х] – [т] and [т] – [д] is found when the root is followed by word-forming suffixes with vowels in the beginning.

Rus. *антибиотик* (antibiotics) – Alt. *менин антибиотиг=им* (my antibiotics);

Rus. *аттестат* (certificate) – Alt. *школдын аттестад=ы* (school certificate);

Rus. *депутат* (deputy) – Alt. *жербойындын депутат=ы* (местный депутат);

Rus. *заповедник* (reserved area) – Alt. *заповедниг=у=н=де* (in the reserved area);

Rus. *институт* (institute) – Alt. *институд=ыс* (our institute);

Rus. *кандидат* (candidate) – Alt. *билимдердин кандидад=ы* (candidate for receiving PhD);

Rus. *клуб* (club) – Alt. *клуб=ыс=та* (in our club);

Rus. *приказ* (order) – Alt. *приказ=ын=да* (in the order);

Rus. *рынок* (market) – Alt. *рыног=ын=да* (on the market);

Rus. *(детский) садик* (kindergarten) – Alt. *садиг=ун=де* (in the kindergarten);

Rus. *статус* (status) – Alt. *ишюктын статус=ы* (status of an unemployed);

Rus. *урок* (lesson) – Alt. *физкультуранын урог=ын=да* (на уроке физкультуры);

Rus. *цех* (workshop) – Alt. *цег=унин начальниги* (workshop's chief).

The Russian words with double "с" at the end also undergo this change. Double letter "с" becomes one letter "з".

Rus. *класс* (classroom) – Alt. *Конфуцийдин клаз=ы* (Confucius Classroom);

Rus. *конгресс* (congress) – Alt. *фольклористтердин конгрез=у* (folklorists' congress).

We find exceptions, when the breath consonant [с] that may also be in the end of some words doesn't tend to changes in form-building: *вирус* (virus) – *вирусы*, *градус* (grade) – *градусы*, *конкурс* (contest) – *конкурсы*, as distinguished from the Altai words ending with [с] (*кебис* – *кебизу* (carpet – his carpet)) and the above mentioned rule.

11. Change of a back-row vowel [э] into a front-row vowel [е].

In the borrowed words with the last syllable containing the Russian sound [э] the quality of its articulation changes under the influence of the phonological system. It moves from the class of back-row vowels to the class of front-row vowels, what is proved by the choice of the Altai affixation:

Rus. *мэр* – Alt. *каланын мэру* (a mayor of the city);

Rus. *поэт* – Alt. *поэт=тин бичиги* (a poet of a book).

These are the most common changes that the Russian words show when they are used in the modern Altai language.

Apart of these main modifications with Russian words, I consider it to be important to mention one rule that concerns words with letters "ё" and "ю". The borrowed words with letters "ё" and "ю" in the last syllable attract the Altai inflections with not-palatal-tending vowels: *вертолётты* (with a helicopter), *дзюдо* [дз'удоло] *спорттың узы* (sports master in judo), *конёк* [кон'окло] *чемпион* (figure skating champion), *самолёт* [самал'отло] (by airplane), *учёды* [учоды] (his accounting), *учёттор* [учоттор] (measurements), *учётто* [учотто] *тур-* (to apply for registration), etc.

In the materials under research very few cases of phonetic adaptation, when multiplying of syllables occur in an Altai word, are found, which may mean that it is not very typical of Altai. Though, it happens with some of the loanwords from Russian in other Turkic languages. Here are examples of the phoneticized of a loanword, where the initial syllable CCV is changed into two syllables CV+CV: from Rus. *кровать* (a bed) – Uzb. *каравот* (a bed); Kaz. *кепеуер* (a bed); Kyg. *керебет* (a bed); Yak. *кырабаат* (a bed); Uig. *كارىۋات* (a bed).

The phonological adaptation of the Russian words to the Altai speech is a complex process that is based on various properties of phonological structure. Today the norm of the usage of the Russian

words and their affixation cannot be treated as fully developed. The appearance of new notions and their introduction into the written language is done by journalists and writers and they try to rely on their sense of a language.

I would like to conclude, saying that (1) the number of borrowed Russian words by the Altai language in the present time is considerable, and it influences the whole lexicon of this language; (2) though the consonant and vowel harmony is not typical of the Russian language, the Russian words may partially change their structure to express the rule of phonetic harmony as the original Altai words; (3) all Russian words with no exceptions are used with inflectional and derivational endings according to the rules of consonant and vowel harmony and this leads to phoneticization of all Russian words in speech; (4) the high potential of phonetic and morphological adaptation of Russian words in Altai means a high degree of the recipient language to possess language specific mechanisms to accept and modify the words in accordance with its own rules.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ; грант № 14-04-00170.

Библиографический список

1. Васильева, Н.М. О современном состоянии орфографирования заимствованных слов в якутском языке (по материалам якутских газет) // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов. – 2013. – № 8(26). – Ч. 1.
2. Русаков, А.Ю. Цыганский язык (Цыганские диалекты Европы) // Языки мира: Новые индоарийские языки. – М., 2011.
3. Ибрагимов, Т.И. Структурные и функциональные изменения татарского языка в контексте теоретических положений И.А. Бодуэна де Куртене / Т.И. Ибрагимов, Р.Э. Кулшарипова // IV Международные Бодуэновские чтения: в 2 т. – Казань, 2009. – Т. 1.
4. Васильева, Н.М. К вопросу о правописании заимствованных слов в современном якутском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – № 131.

Bibliography

1. Vasiljeva, N.M. O sovremennom sostoyanii orfografirovaniya zaимstvovannikh slov v yakutskom yazihke (po materialam yakutskikh gazet) / Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 2 ch. – Tambov. – 2013. – № 8(26). – Ch. 1.
2. Rusakov, A.Yu. Cihganskiy yazihk (Cihganskije dialektij Evropej) // Yazihki mira: Novije indoirijskie yazihki. – M., 2011.
3. Ibragimov, T.I. Strukturihe i funkcionalnihe izmeneniya tatarskogo yazihka v kontekste teoreticheskikh polozhenij I.A. Boduehna de Kurteneh / T.I. Ibragimov, R.Eh. Kulsharipova // IV Mezhdunarodnihe Boduehnovskie chteniya: v 2 t. – Kazanj, 2009. – T. 1.
4. Vasiljeva, N.M. K voprosu o pravopisanii zaимstvovannikh slov v sovremennom yakutskom yazihke // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2011. – № 131.

Статья поступила в редакцию 19.07.14

УДК 821.161.1

Khalifaeva G.A. THE ROLE OF REPETITIONS IN THE EPIC WORK "SHARVILI". In the article the role of repetitions in Lezgian epic work is analyzed. Repetition in the text acts as a structural-semantic element; and it is represented in all language levels: phonetic, intonational, lexical, morphological and syntactic. The text-formative role of repetition is brightly shown in folklore texts.

Key words: repetitions, vocabulary, national heroic epos, lexical level, role of repetitions, stylistic approach.

Г.А. Халифаева, соискатель каф. дагестанских языков ДГУ, г. Махачкала, E-mail: uzlipat066@mail.ru

РОЛЬ ПОВТОРОВ В ЭПИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ «ШАРВИЛИ»

В статье анализируется роль повторов в лезгинском эпическом произведении. Повтор в тексте выступает как структурно-семантический элемент и осуществляется во всех языковых уровнях: фонетическом, интонационном, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Текстобразующая роль повтора ярко и своеобразно проявляется в фольклорных текстах.

Ключевые слова: повторы, лексика, народный героический эпос, лексический уровень, роль повторов, стилистический подход.

Стилистический подход к изучению лексики выдвигает в качестве важнейшей проблему выбора слова для наиболее точного выражения мысли. Правильное употребление слов представляет собой не только достоинство стиля, но и необходимое условие информативной ценности произведения, действительности его содержания. Неправильный выбор слова искажает смысл высказывания, порождая не только лексические, но и логические ошибки в речи. Под лексическим повтором понимается повторение слова, словосочетания или предложения в составе одного высказывания (предложения, сложного синтаксического целого, абзаца) и в более крупных единицах коммуникации, охватывающих ряд высказываний.

Вандриес отмечает, что «повторение есть также один из приемов, вышедших из языка эффективного. Этот прием, будучи применен к языку логическому, превратился в простое грамматическое орудие. Его исходную точку мы видим в волнении, сопровождающем выражение чувства, доведенного до его высшего напряжения» [1].

Повтор как стилистический прием является типизированным обобщением имеющегося в языке средства выражения возбужденного состояния, которое, как известно, выражается в речи различными средствами, зависящими от степени и характера возбуждения. Речь может быть возвышенной, патетической, нервной, умиленной и т.д. Возбужденная речь отличается фрагментарностью, иногда алогичностью, повторением отдельных

частей высказывания. Более того, повторы слов и целых словосочетаний в эмоционально-возбужденной речи являются закономерностью.

В организации текста эпоса «Шарвили» особую роль играют рифмы – созвучия определенных рядов ритмических групп. Они создаются путем повтора определенных единиц речи. Повтор в тексте выступает как структурно-семантический элемент и осуществляется во всех языковых уровнях: фонетическом, интонационном, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Повтор на фонетическом уровне осуществляется за счет повторяющихся фонем, звукокомплексов:

<i>Ван хьайиладалдамдин, Шадвалгьатда рик1ера, Гафаржедакимерал, Гафаржедарекьерал. Мехьэрэлдин к1убанвал, Мехьэрэлдиншадвал я, Мехьэр – элдингележег, Мехьэрэлдиншадвал я.</i>	«Стоит дробь барабанной Раскатиться утром ранним, Как гороху с плоских крыш, Разорвав ночную тишь, Вторая ей кинжалом острым Звук зурны пронзает воздух, Трав целительных стократ Накопивший аромат» [2].
---	--

Благодаря повтору слов или словосочетаний на них фиксируется внимание читателя (слушателя) и тем самым усиливается их роль в тексте. Повтор придает художественному тексту связность, усиливает его эмоциональное воздействие, подчеркивает важнейшие мысли. Особенно велика роль повтора в стихах. Стихи строятся на четком чередовании соизмеримых ритмических величин – слогов, ударений, строк, строф. Рифма и другие звуковые соответствия образуют звуковые повторы. Принцип повтора, проявляющийся на всех уровнях текстовой организации, выступает как один из важнейших принципов, обеспечивающих структурно-смысловое единство, целостность текстового пространства. Повторяемость – один из важнейших принципов структурной и семантической организации фольклорного произведения. Повтор выступает как имманентное свойство произведений устного народного творчества, созданных в разное время и в разных культурно-языковых традициях [3; 4].

<i>Мехьэр элдин к1убанвал, Мехьэр элдин шадвал я, Мехьэр – элдин гележег, Мехьэр элдин шадвал я.</i>	«Просыпается мгновенно Горский люд благословенный. Если песня родилась, Значит, свадьба началась».
--	---

Появление повтора в фольклорном тексте объясняется устным бытованием фольклорного произведения. Повторяемость в произведениях устного народного творчества придает им живопность, плавность, напевность; способствует замедлению развития действия в фольклорном произведении. Таким образом, «повторяемость — это одна из ведущих текстовых категорий, участвующих в структурно-смысловой организации фольклорного текста» в создании экспрессивности, в привлечении внимания читателя (слушателя) к важным в смысловом отношении описаниям [5]. В эпосе «Шарвили» на лексическом уровне повтор осуществляется за счет последовательного дублирования одного и того же слова:

<i>Шалбуз-дагьди кьил винизна</i>	«Снег лежит на Шалбуз-даге (одна из высочайших вершин Большого Кавказского хребта, расположенная в южной части Дагестана в ареале проживания лезгин),
<i>Мушкьюр лацу хьурай лугьуз.</i>	У Мюшкюра будет влага. (Мюшкюр – историческая область в Кавказской Албании (Маскат, Маскут), примыкающая к правому берегу р. Самур).
<i>Шалбуз-дагьди кьил агьузна Мушкьюр кьацу хьурай лугьуз...</i>	Тающий наполнит снег Берега мюшкюрских рек...».

В тексте эпоса «Шарвили» встречаются сдвоенные антонимические существительные, устойчивые антонимические пары, которые также придают речи ритмичность и оттенок разговорности:

<i>Чи эллерихь авайди Сад намус я, садни <u>гьахь</u>. Ада вичин залан тур Хкаждайди туш <u>нагьахь</u>.</i>	«Наш народ владеет честно Справедливостью и честью, Не поднимет над головой Понапрасну меч святой».
--	--

Еще одна группа повторов связана с системой литературных образов в эпических текстах. В эпосе «Шарвили» можно выделить два нравственных полюса: носители положительного идеала – это образ доблестного воина Шарвили и образ аксакала, ашуга Кас-Буба, умного и доброго человека, наставника Шарвили, и носители отрицательного образа – это образы неприятелей, которых Шарвили побеждает в честном бою. Лишь отдельные бытовые факты могут говорить о том, что это северные кочевники: гунны или скифы. На это указывают их физиологические черты: «и огромный, желтолицый, воя, точно ураган, в поле вышел великан»; «чужеземец, сын степей»; «мы не знаем, что за племя село прямо нам на темя?! Что ни попадя, берут, на главах рога растут» и т.д.

Шарвили – сын горца-чабана Дагларя. В его образе народ воплотил свои представления и мечты о справедливости. Шарвили наделен исполинской силой. Это храбрый, бесстрашный воин, ловко владеющий своим волшебным мечом, находчивый и смелый в бою. Он любит и уважает простых тружеников, покровительствует им, ведет бескомпромиссную борьбу во имя справедливости и свободы. Благодаря своей силе и отваге, находчивости и смекалке, он всегда угадывает и предупреждает уловки неприятелей и побеждает их в честном бою. Шарвили защищает общественные интересы. Он до конца предан народу и ради него готов пожертвовать собственной жизнью.

<i>Гияр дере ац1анвай К1валахзавай инсанриг. Яд жеда гьа, яд жеда, Уьмуьр элдин хьсанриз.</i>	«Роят землю, носят камни, Валят в кучу все руками. Верят, за великий труд Боги щедро воздадут».
---	--

Эти характеристики явно свидетельствуют о том, что он принадлежит к миру людей, что в свою очередь дает веские основания отнести сам эпос к категории классических, то есть таких, которые, как правило, зарождаются в процессе этнической консолидации и развития элементов государственности. На реалистичность, приземленность образа эпического героя обратил внимание и переводчик эпоса на русский язык Р.З. Ризванов (1954 г.), отметивший, что Шарвили представляется как «защитник в трудную годину, закадычный друг во время праздничного застолья, разящее оружие на поле боя, неустанные руки в созидательном труде», поэтому он — «доблесть молодых, гордость девушек, продолжение отцов и опора матерей» [6].

<i>Са каликай ацай нек Садра хьвадай аялди. Биц1и гьилив чуькьвена Как хадай аялди Хьуьредайла Шарвили, Мягьледиз ван чк1идай. Шехьай ч1авуз Шарвили, Дередин ван чк1идай.</i>	«Ничего не зная толком, Шарить стал рукой по полкам. Выпил простокваши жбан, Словно взрослый пил чабан. Масла съев, томимый жаждой, Выходил во двор он дважды. Не найдя нигде воды, Заревел от той беды».
--	--

Таким образом, в лезгинском народном героическом эпосе «Шарвили» повтор выступает как один из важнейших принципов, обеспечивающих структурно-смысловое единство.

Библиографический список

1. Вандриес, Ж. Язык. Соцэкгиз. – М., 1937.
2. Шарвили. Лезгинский народный героический эпос. – Махачкала, 1999.
3. Агаев, А.Г. К вопросу о теории народности: Закономерности соц. развития народностей в СССР. – Махачкала, 1965.
4. Маслова, В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
5. Гайдаров, Р.И. Лексика лезгинского языка. – Махачкала, 1966.
6. Ризванов, Р. Лезгинский народный героический эпос // Лезги газет. – Махачкала. – 1999. – Август (на лезг. языке).

Bibliography

1. Vandries, Zh. Yazihk. Socehkgiz. – M., 1937.
2. Sharvili. Lezginskiy narodniy geroicheskiy ehpos. – Makhachkala, 1999.
3. Agaev, A.G. K voprosu o teorii narodnosti: Zakonomernosti soc. razvitiya narodnostey v SSSR. – Makhachkala, 1965.
4. Maslova, V.A. Lingvokulturologiya. – M., 2001.
5. Gaydarov, R.I. Leksika lezginskogo yazihka. – Makhachkala, 1966.
6. Rizvanov, R. Lezginskiy narodniy geroicheskiy ehpos // Lezgi gazet. – Makhachkala. – 1999. – Avgust (na lezg. yazihke).

Статья поступила в редакцию 09.07.14

УДК 81'1

Avvakumova E.A. METONYMY IN CHILDREN'S SPEECH. Children use metonymy more seldom than comparisons and metaphors in their speech. The reasons for this fact are considered in this article. Besides, the article represents the classification of children's metonymy and its functions in the language.

Key words: metonymy, children's speech, functions of metonymy.

Е.А. Аввакумова, канд. филол. наук, доц., зав. каф. общего и русского языкознания ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: its_my_now@inbox.ru

МЕТОНИМИЯ В РЕЧИ ДЕТЕЙ

Дети в своей речи используют метонимии реже, чем сравнения и метафоры. Причины данного факта рассматриваются в предложенной статье. Кроме того, в статье представлена классификация детских метонимий и их роль (функции) в языке.

Ключевые слова: метонимия, детская речь, функции метонимий.

Наша работа выполнена в русле онтолингвистики, одного из актуальных направлений в современной лингвистике. Онтолингвистика – наука молодая, хотя интерес к речи ребенка не ослабевает в течение нескольких столетий. Исследованием детской речи занимаются не только лингвисты, но и психологи, педагоги, логопеды.

Метонимия в детской речи – не настолько частотный объект изучения, как, например, сравнения и метафоры [2; 5; 7].

В нашей работе основной проблемой явилась сложность обнаружения метонимии в эмоциональной, иногда непонятной и не всегда складной речи детей. Вычленение метонимии из речи взрослого человека представляет собой не менее сложный процесс, так как данное языковое явление, прочно вошло в нашу речь. Произносятся некоторые метонимические выражения, мы не осознаём факта «переименования» предметов. Например, «слушать Бетховена», «читать Чехова», «выпить две чашки кофе» и т.п.

С.Н. Цейтлин в своей работе «Язык и ребёнок» замечает: «Дети критикуют метонимические переносы наименований, основанные на смежности явлений. «Я уже съела целую тарелку, больше не хочу», – говорит мать. И тут же слышит упрек дочери: «А почему же она тогда на столе?» и т.п. [8, с. 200].

Однако из собственных наблюдений над речью детей мы можем отметить нередкое употребление метонимических переносов. К примеру, «Мам, прикинь, я там *целых две кружки* выпил!» (Антон, 4,6) или «Я, правда, *всю-всю чашку* съела, честно-честно!» (Арина, 2,8).

Материалом для исследования послужили данные Фонда детской речи, собранные на кафедре детской речи в РГПУ им. А.И. Герцена, детские высказывания из книг К.И. Чуковского «От двух до пяти», С.Н. Цейтлин «Язык и ребенок. Лингвистика детской речи», словарей детской речи [6; 4], а также собственные наблюдения за речью детей. Всего в поле нашего зрения попали 103 случая метонимических переносов.

Было обнаружено, что переносы по сходству употребляются детьми чаще почти в 2,5 раза, чем переносы по смежности. Возможно, большой разрыв в количественном отношении между сравнением и метафорой с одной стороны, и метонимией с другой, в речи дошкольников обусловлен тем, что ребенку проще провести аналогию, увидеть сходство между предметами и явлениями, подобрать ассоциацию, чем классифицировать предметы, обнаружив в них смежность.

В речевом онтогенезе наблюдаются *два периода* использования метонимического переноса. *Первый*, ранний, период наблюдается от года до двух (трех) лет при формировании у ребенка значения слова, а именно его понятийной отнесенности.

В этот период в речи часто возникают лексико-семантические сверхгенерализации. Так, *блпой* ребенок может называть лопатку, палку, ветку, ложку, фонарный столб, то есть все предметы, имеющие длинную, достаточно узкую часть. В этом случае дети основываются на визуальном признаке. Стоит заметить, что в других случаях той же *апой* дети называют лопатку, тапку, лампу, основываясь на акустическом признаке. Последняя разновидность сверхгенерализации не является метонимией. *Кать-кать* – это машина, санки, лифт, велосипед, автобус, поезд, то есть все движущиеся предметы – объединение по функциональному признаку [3, с. 29].

Направления детских сверхгенерализаций «совпадают с теми, которые используются в языке взрослых при переносе наименований с одного явления на другое» [8, с. 61].

Второй период наблюдается, когда ребенок уже достаточно владеет речью и опирается на способы переноса наименований, имеющиеся в нормативном языке.

– Вы мне укол не будете делать? А зачем тогда укол варит-ся? (Укол в значении 'шприц').

– Я, правда, *всю-всю чашку* съела, честно-честно!

В своем исследовании мы рассматривали метонимические переносы второго периода.

При составлении типологии метонимий в детской речи мы, прежде всего, выделили *узуальные* и *оказиональные* метонимии.

Дети строят свою речь в соответствии с той речью, которую слышат вокруг. Следовательно, некоторые виды переноса по смежности, часто используемые в речи окружающих, переходят и в активный словарный запас ребенка.

В связи с этим мы выделили в речи детей метонимии, встречающиеся в узуальной речи, то есть *узуальные метонимии*.

Например:

– Это не я шуршу, это *кран капает*. (Вместо *вода капает*.)

– Скорей, читай *Маршака!* (Вместо *книгу Маршака*.)

Взрослея, ребенок приобретает способность экспериментировать над языком, узнавать его новые возможности. Таким образом, постепенно, помимо узуальных метонимий, в речи ребенка появляются *оказиональные* метонимии:

– Не хочу это *толстое* платье надевать! (Толстое в данном случае 'заставляющее казаться толще, чем есть на самом деле').

– А *зеленькая* девочка и говорит... (В данном случае имеется в виду девочка в зеленом костюме.)

При составлении типологии детских метонимий мы опирались на классификацию, предложенную Н.Д. Арутюновой и насчитывающую 11 видов [1, с. 300]. На материале детской речи мы обнаружили следующие типы:

1. Метонимический перенос с материальной формы, в которую заключено содержание, на само содержание:

– А почему ты *на бананы* надела? (Вместо «на платье с бананами». Мама надела кофту на платье, на котором нарисованы фрукты (в том числе и бананы).)

– Сейчас вытремся этим *клоуном*! Какой потешный *клоун*! (т.е. полотенцем, на котором нарисован клоун).

– А зачем ты мажешь *рыбок* кремом? («Рыбок» вместо «аквариум»).

2. Метонимический перенос с содержимого на сосуд:

– Он уже всю *кастрюлю* съел!

– Мам, прикинь, я там *целых две кружки* выпил!

3. Метонимический перенос с имени автора на название его произведения:

– Я *Барто* выучила!

– Бабушка *Моцарта* слушает.

4. Метонимический перенос с действия на вовлеченный в действие предмет:

– Помнишь, как мы *перед кораблем* пельмени ели? Ну, *перед теплоходом* этим? (корабль в значении «плавание на корабле»).

5. Метонимический перенос с места на то действие, для которого оно предназначено:

– Хочу зубы почистить перед *улицей*. (Вместо перед прогулкой на улице).

6. Метонимический перенос с имени героя на название произведения:

– Буду смотреть «*Леопольда*»!

– Читай *Бухатину*. (Буратино вместо «Золотой ключик»).

Всего в речи дошкольников обнаружено 6 видов метонимий из возможных 11-ти (по классификации Н.Д. Арутюновой). Видимо, это связано с особенностями когнитивного сознания, характерного для детского мышления (прежде всего, преобладание наглядно-образного мышления над абстрактным).

Специалисты, изучающие метонимию во взрослой речи, указывают следующие ее функции: 1) номинативная; 2) идентификационная; 3) эллиптическая; 4) эстетическая; 5) юмористическая.

В детской речи мы обнаружили следующие функции метонимии.

Номинативная функция наблюдается в случае, связанном с дефицитом лексических средств в активном словарном арсенале ребенка, при котором в сознании ребенка соотносятся два объекта действительности: один из них более или менее известен, а другой неизвестен вообще. При сравнении свойства из-

вестного объекта признаются подходящими для именования неизвестного.

– Почему *умер* не играет? Я хочу, чтобы *умер* играл! (в значении похоронная музыка). В данном случае ребенок не знает узального слова и использует перенос по смежности.

Когда нельзя утверждать, что ребенок не знаком с узальным словом, то следует говорить об *идентификационной функции, или функции отождествления*. В результате идентификации происходит уподобление одного объекта другому (группе, образцу). Примером реализации идентификационной функции в детской речи может быть следующий метонимический перенос:

– А я сейчас *публикой* был! (Девочки пели и говорили «Уважаемая публика!»)

Основная функция синекдохи состоит в идентификации объекта через указание на характерную для него деталь, отличительный признак. Следовательно, в следующей детской фразе также реализована идентификационная функция:

– Баба, смотри какой *бантик* идет! (девочка 4-5 лет, показывающая в сторону щенка с ярким бантом).

Часто метонимические словопотребления в речи детей и взрослых наделены *эллиптической* функцией, связанной с законом экономии речевых усилий.

– Ма, дай *таблетку от головы* (Вместо «от головной боли»).

– *Открой мне воду*!

– На «*Солнышке*» остановите! (Имеется в виду остановка общественного транспорта.)

Следует заметить, что одно и то же употребление слова в переносном (метонимическом) значении может выполнять одновременно несколько функций.

В исследуемом нами материале детской речи не было обнаружено ни одного примера метонимии, выполняющей эстетическую или юмористическую функции. Думается, что это не случайно. Дети используют в своей речи метонимию бессознательно, в практических целях. Для создания же метонимии с эстетической или юмористической целью необходимо включение сознания. Такой механизм речи, как метонимический перифраз используется чаще всего в произведениях художественного стиля речи, а в разговорно-бытовом стиле данное явление можно встретить крайне редко. Неудивительно, что в детской речи (разговорной речи) перифраз не был обнаружен.

Однако накопленный нами материал не дает основания утверждать, что в речи детей метонимия не выполняет других функций. Дальнейшая работа позволит шире и разностороннее изучить рассматриваемый нами объект.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
2. Голева, Н.М. Сравнения в детской речи: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 1997.
3. Лепская, Н.И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). – М., 1997.
4. Словарь детских словообразовательных инноваций / сост. С.Н. Цейтлин. – СПб., 2006.
5. Фюнфштюк, К. Метафора в сознании детей (на материале детских загадок) // Доклады Всероссийской научной конференции. – Череповец, 1998.
6. Харченко, В.К. Словарь современного детского языка: в 2 т. – Белгород, 2002.
7. Харченко, В.К. Функции метафоры. – М., 2007.
8. Цейтлин, С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. – М., 2000.
9. Чуковский, К.И. От двух до пяти. – М., 1990.

Bibliography

1. Arutyunova, N.D. Metonimiya // Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj. – M., 1990.
2. Goleva, N.M. Sravneniya v detskoy rechi: dis. ... kand. filol. nauk. – Belgorod, 1997.
3. Lepskaya, N.I. Yazikh rebenka (Ontogenez rechevoy kommunikacii). – M., 1997.
4. Slovarj detskikh slovoobrazovatel'nykh innovacij / sost. S.N. Ceytlin. – SPb., 2006.
5. Fyunshtyuk, K. Metafora v soznanii detey (na materiale detskikh zagadok) // Dokladi Vserossiyskoy nauchnoy konferencii. – Cherepovec, 1998.
6. Kharchenko, V.K. Slovarj sovremennogo detskogo yazihka: v 2 t. – Belgorod, 2002.
7. Kharchenko, V.K. Funkcii metaforih. – M., 2007.
8. Ceytlin, S.N. Yazikh i rebenok. Lingvistika detskoy rechi. – M., 2000.
9. Chukovskiy, K.I. Ot dvukh do pyati. – M., 1990.

Статья поступила в редакцию 16.07.14

УДК 81'37

Voronova N.G. **A TYPE OF A LANGUAGE ABILITY OF A.S. MAKARENKO.** The article is devoted to the description of A.S. Makarenko's type of a language ability. A Language ability is revealed and described on the basis of the material of his private letters. The author pays more attention to a certain type of verbal associations. The row of syntagmatically related meanings of the polysemantic word presents these associations at the verbal-semantic level of structures the language personality. This allows drawing a conclusion about the semasiological syntagmatic type of his language ability.

Key words: language personality, language ability, semasiological type of language ability, blending of meanings.

Н.Г. Воронова, канд. филол. наук, доц. каф. общего и русского языкознания ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: ngvoronova@mail.ru

ТИП ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ А.С. МАКАРЕНКО

Статья посвящена описанию типа языковой способности А.С. Макаренко. Языковая способность выявляется и описывается на материале частных писем. Автор отдает предпочтение определенному типу вербальных ассоциаций, которые на вербально-семантическом уровне структуры языковой личности представлены рядом синтагматически связанных значений многозначного слова. Что позволяет сделать вывод о семасиологическом синтагматическом типе его языковой способности.

Ключевые слова: языковая личность, языковая способность, семасиологический тип языковой способности, совмещение значений.

Качество языковой способности (далее – ЯС) носителя языка мы рассматриваем как типное качество, что означает его предопределенность и неизбежность для языковой личности – качество ЯС не может быть произвольно изменено. Оно предопределяет, как мы ранее отмечали в [1–3], способ лексико-семантического означивания в предложении при передаче субъективно значимой информации, поскольку именно в нем актуализируется значение слова и тем самым его значимость как элемент значения. Этот способ проявляется в направленности речевой деятельности субъекта на определенный структурно-языковой тип вербальных ассоциаций, выявить который позволяет анализ лексико-семантической системности на вербально-семантическом уровне структуры языковой личности.

Автор текста с семасиологическим синтагматическим типом ЯС выражает индивидуальный смысл путем совмещения значений многозначного слова в контексте предложения. Контекст предложения в речевых произведениях языковой личности с этим типом ЯС не содержит достаточных указаний для выбора лишь одного из значений многозначного слова, либо «не препятствует одновременной реализации более чем одного значения» [4, с. 43] при передаче автором субъективно значимой информации. В результате в предложении текста, созданного языковой личностью с семасиологическим синтагматическим типом ЯС, может быть выявлено «совмещением означаемых», «когда одно неразложимое означающее имеет несколько значений, которые позволяют ясно анализировать мнемонические ассоциации» [5, с. 164], или, иначе, «совмещение значений» [6, с. 26]. Для семасиологического синтагматического типа ЯС характерно употребление слова (слов) в контексте предложения, значения которого линейно соотносятся. Они либо «склеены» – объединены в пределах одного слова (высказывания), но отчетливо различны, либо «сплавлены» – образуют единство с сохранением ощущения их разности [6, с. 27–28].

Тип ЯС А.С. Макаренко на вербально-семантическом уровне определялся нами путем анализа лексико-семантической системности в контексте предложений в текстах частных писем. Автор частного письма свободен в своих речевых проявлениях, что делает частное письмо «очень субъективным жанром» [7, с. 179], особенности которого во многом обусловлены личностью автора. Неизбежное отражение в частном письме языковой личности автора позволяет использовать языковой материал письма для экспликации типа языковой способности.

Семантика слов в контексте предложений определялась нами с помощью словарей – Нового толково-словообразовательного словаря русского языка Т.Ф. Ефремовой (URL: <http://poiskislov.com/>), **Большого толкового словаря** русского языка под ред. С.А. Кузнецова (URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>), Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian->

[dictionary-Ozhegov.htm](http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma264321.htm)), Словаря русского языка в 4-х томах (URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma264321.htm>), Толкового словаря русского языка в 4-х томах под ред. Д.Н. Ушакова (URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>). В тексте работы они обозначены в приведенном порядке (I), (II), (III), (IV) и (V).

В качестве примера приведем описание письма А.С. Макаренко, адресованного В.Я. Костецкой и датированного 17 декабря 1916 г. [8, с. 7]. В этом письме нет традиционных формул зачина (приветствие и обращение) и концовки (итоговые фразы, прощание и проч.). Оно начинается прямым обращением к адресату: *Мне так неудержимо и так просто захотелось Вас приветствовать, что, как видите, я себе в этом не решился отказать...* В контексте этого предложения более одного значения реализуют лексемы НЕУДЕРЖИМО и ПРОСТО. Выражение *неудержимо захотелось приветствовать* может быть понято одновременно в двух значениях – адресант не удержался от того, чтобы поприветствовать (ему трудно было удержаться от действия), и не смог побороть желание сделать это (ему трудно было побороть желание сделать). Выражение *просто захотелось приветствовать* также может быть понято одновременно в двух значениях, что позволяет говорить о возможности совмещения значений данной лексемы в контексте предложения: в качестве наречия лексема ПРОСТО реализует значение «Как-то случайно, без особого намерения» (V), как ограничительная частица значение «Лишь, только, всего-навсего» (IV). Таким образом, выражение *просто захотелось приветствовать* может быть понято в двух смыслах – захотелось лишь, только, всего-навсего приветствовать (не более того) и захотелось сделать это без особого намерения. В контексте этого предложения глагол ВИДЕТЬ в составе выражения *как видите* реализует «одновременно два разных значения (на что указывают разные элементы контекста) – зрительного восприятия и знания-понимания (видения «мысленным взором»)» [6, с. 29], т.е. как вам теперь ясно. А.А. Зализняк определяет этот вариант совмещения значений как «осцилляцию», «когда два или более различных значения присутствуют в слове одновременно, что создает эффект «мерцания»» [6].

В контексте предложения (2) *...Лучше всего было бы послать Вам только одно слово Привет!..* мы выделили слова ЛУЧШЕ и ТОЛЬКО, поскольку «значение, которое они выражают в данном тексте, является результатом некоего синтеза разных словарных значений этих слов» [6, с. 29]. Для первого слова это значения сравнительной степени наречия («в полном соответствии с назначением») и частицы («предпочтительнее, вернее») (IV). Для второго – значения «1. нареч. ограничительное. При числительном (также и при пропущенном «один»), со словом «всего» или без него, употр. в знач. не больше, чем..., как раз. (...) 2. нареч. То же, при любом слове, со словом «всего»

или без него, употр. в знач. исключительно, единственно, т.е. ничего другого (не делает, не сделал), кроме (указанного данным глаголом); никто другой, ничто другое, кроме (указанного предмета); никаким другим способом, ни в какое иное время и т. п.» (V).

Контекст предложения (3) *Но уж такова слабость наша* не позволяет с точностью определить, какое из значений слова СЛАБОСТЬ в нем реализуется: «4. кого-чего или чья. Слабое, уязвимое место, несовершенство кого-, чего-л.» (IV); «4. перен. Страсть, порочная привычка, недостаток, от к-рого кому-н. трудно освободиться, воздержаться» (V). По-видимому, здесь следует говорить об эффекте «мерцания» или «склеивания».

В предложении (4) *Впрочем, очень может быть, что это письмо не произведет на Вас неприятного впечатления, а если оно заставит Вас хоть раз улыбнуться над этим наивным лепетом, то и совсем хорошо* устойчивое словосочетание ПРО-ИЗВЕСТИ ВПЕЧАТЛЕНИЕ реализует два связанных значения: письмо не окажет негативного воздействия и тем самым не вызовет негативное мнение, оценку. В выражении наивным лепетом лексема НАИВНЫЙ может реализовывать значения «|| Выражающий простодушие, доверчивость, проникнутый ими. || Безыскусственно-простой, непосредственный» (MAC), а лексема ЛЕПЕТ значения «1) а) Неясная, несвязная речь. 3) перен. Неубедительные рассуждения, объяснения» (I).

В пятом предложении письма *Подумайте, лишней улыбкой станет у Вас больше, а так как это будет сделано не для чьих-нибудь глаз, то, стало быть, и улыбка Ваша будет искренняя* выражение для чьих-нибудь глаз может пониматься в двух значениях: «чтоб показать, для обозрения» и «напоказ, для виду, с целью обратить внимание на что-н.», создавая тем самым эффект «мерцания». То же самое, очевидно, можно сказать и о слове ЛИШНИЙ, которое в контексте предложения может реализовывать значения «1. Превышающий нужное или установленное количество, остающийся сверх этого количества. 3. Добавочный, дополнительный» (IV), различающиеся семантикой «сверх» (более того, что есть) и «еще» (вдобавок к тому же).

В предложении (6) *Это и значит, что я так мало хочу, это значит только, что марка не пропала даром* выражение не пропала даром означает, что марка не оказалась бесполезной, ненужной: в результате того, что она была наклеена на конверт, письмо было доставлено адресату.

Устойчивое выражение в начале предложения (7) *Вот и все, поверьте, без всякой скрытой хитрости пишу* в функции заключения реализует значение «больше сказать, прибавить нечего» (IV), указывая тем самым на исчерпывающий характер сказанного. Возможно, оно выступает и в ограничительной функции, приобретая в контексте предложения значение «не более и не менее» (того, что было сказано). Лексема ХИТРОСТЬ в контексте предложения может реализовывать значения «2. Притворство с каким-л. умыслом. 4. Разг. Что-л. неясное, непонятное, скрытый смысл чего-л.» (IV). На первый взгляд, излишнее для этой лексемы определение СКРЫТЫЙ («2. в знач. прил. Не обнаруживаемый явно, скрываемый, тайный» (IV)) исключает реализацию еще одного значения многозначного слова: «3. Разг. Изобретательность, мастерство, искусство в чем-л. || То, что требует особого искусства, умения» (IV).

В контексте предложения (8) *Ведь я просто пишу, а не для чего-нибудь* «склеиваются» два значения слова ПРОСТО: «без особых причин, целей, намерений» и «открыто, бесхитростно, прямо, без церемоний». Как отмечает А.А. Зализняк, «Случаи «склеивания» одинаковых означающих, имеющих различные означаемые, обычно не замечаются ни говорящим, ни слушающим, но при их обнаружении «расклеивание» не представляет ни малейшего труда и проходит совершенно безболезненно для смысла предложения в целом» [6, с. 27]. В этом случае могут быть выделены такие отчетливо различные понимания: «я вам пишу без особых причин, целей, намерений, а не для чего-нибудь». И «я вам пишу прямо (откровенно, бесхитростно), а не для того, например, чтобы схитрить или скрыть что-то» (ср.: *Я женщина простая, хитрить не могу; я не умею скрыть своих чувств перед Меропой Давыдовной, не буду скрывать и перед вами.* А. Островский, Волки и овцы (IV)).

В контексте предложения (9) *Когда два человека встречаются ежедневно, они все равно приветствуют друг друга* «склеиваются» два значения слова ВСТЕЧАТЬСЯ: «1. Сойтись с кем-л., идя, двигаясь с разных сторон. 2. Сойтись с кем-л. для

совместного проведения времени, деловой беседы и т. п.; увидеться» (IV). Сочетание ВСЕ РАВНО в контексте предложения реализует значения «1. Наречие. То же, что «в любом случае, при любых обстоятельствах» и «3. Частица (в предложении с противительным, условным, уступительным союзом). Служит для усиления противопоставления сказанному ранее; то же, что «всё-таки, тем не менее» (II). Союз КОГДА в этом случае может рассматриваться и как временной, и как условный.

В контексте предложения (10) *Тем более естественно такой славной паре, как мы с Вами, иногда обмениваться салютом* «склеиваются» два значения лексемы ЕСТЕСТВЕННО: «нормально» и «обычно» («ЕСТЕСТВЕННЫЙ прил. 6) Соответствующий чему-л. общепринятому; нормальный, обыкновенный. 7) Непринужденный, обычный» (I)). Слово СЛАВНЫЙ в контексте предложения имеет диффузное значение, о чем, в частности, свидетельствуют расхождения в описании значений этого слова в различных толковых словарях: «СЛАВНЫЙ. 2. Разг. Располагающий к себе своими достоинствами, качествами, очень хороший» (IV); «СЛАВНЫЙ, -ая, -ое (разг.). Очень хороший, приятный, симпатичный» (III); «3. только полн. Разг. Располагающий к себе, хороший, милый, симпатичный. С. парень. С. старикан. С.-ая девушка. С. малый» (II); «2. только полн. формы. Очень хороший, приятный, милый, симпатичный (разг.)» (V). Словосочетание ОБМЕНЯТЬСЯ САЛЮТОМ может пониматься в прямом значении – ответить на салют (привет) салютом, но может рассматриваться и как аналитическая номинативная единица со значением «поздороваться».

Устойчивое словосочетание ВОТ И ВСЕ, из которого состоит предложение (11), как мы уже отмечали выше, может реализовывать два значения: «больше сказать, прибавить нечего» (MAC), указывая тем самым на исчерпывающий характер сказанного. В значении «не более и не менее» (того, что было сказано) оно реализует ограничительную функцию.

В предложении (12) *У Вас есть воображение представьте себе, что король некой страны приказывает сделать в честь Вашего существования 7 выстрелов из старой пушки* лексемы в составе придаточного изъяснительного могут пониматься однозначно. В то же время все придаточное может рассматриваться как аналитическая номинативная единица с общим значением «салютовать», т.е. произвести (производить) салют – «приветствие, отдавание чести кому-н. выстрелами, выкидыванием флага, опущением знамен и другими условными знаками» (V).

В предложении (13) *Ведь приятно же это для Вас слово ПРИЯТНО* в сочетании с местоимением может одновременно реализовывать два «отчетливо разных» значения, что позволяет говорить о совмещении значений по типу «склеивания». **Приятно**, т.е. доставляет удовольствие, радует то, что делается **для вас** («1. В пользу, ради кого-чего-н.; предназначенная кому-чему-н.» (V)). **Приятно**, т.е. привлекательно это **для вас** («5. Указывает на предмет или лицо, по отношению к к-рому имеет силу какое-н. качество, состояние» (V)).

В контексте предложения (14) *Это во всяком случае не глупее многих человеческих разговоров, объяснений, объятий, поцелуев и ссор* фразеологизм ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ может прочитываться в двух своих значениях: «по крайней мере» и «однако, все же, все-таки». В первом фразеологизм ограничивает сферу этого «человеческими разговорами, объяснениями, объятиями, поцелуями и ссорами», во втором противопоставляет это разговорам, объяснениям и проч. Лексема ГЛУПЫЙ в контексте предложения реализует следующие значения: «ГЛУПЫЙ. 2. Выражающий умственную ограниченность, отсутствие ума. 3. Свидетельствующий о недостатке ума, лишенный разумной содержательности, целесообразности» (IV); «глупый 3) а) перен. Лишенный разумного содержания; бессмысленный (о поступках, поведении, словах). б) Отличающийся неглубоким, поверхностным содержанием. в) разг. Нелепый, неуместный» (I). «Расклеивание» значений приводит к следующему пониманию смысла высказывания: *это не глупее глупых (мало- или бессодержательных) разговоров, глупых (неразумных) объяснений, глупых (неуместных) объятий и поцелуев, глупых (бессмысленных, нелепых) ссор.*

В контексте последнего предложения письма *Если Вы будете более радостны, чем за минуту до этого, не откажите мысленно поздравить меня с лишним хорошим днем* явление совмещения значений обнаружено не было.

Анализ контекстной семантика показал, что во всех предположениях письма за исключением последнего есть совмещение значений разного вида – «склеивание», «мерцание», «сплав». Системные отношения лексем или сем иного рода (например, синонимия или аналитические номинативные единицы) в составе предложений либо не были выявлены, либо не частотны. Мы

исходим из предположения, согласно которому данное явление свидетельствует о направленности речевого действия на определенный структурно-языковой тип вербальных ассоциаций семасиологический синтагматический, что позволяет нам сделать предварительный вывод о типе языковой способности А.С. Макаренко.

Библиографический список

1. Воронова, Н.Г. Асимметричный дуализм языкового знака и качество языковой способности // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы: материалы Второй междунар. заоч. научно-методич. конф. – Волгоград, 2012.
2. Воронова, Н.Г. Явление «некаламбурного совмещения значений» в текстах писем Ф.М. Тютчева // Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах: материалы Междунар. науч. конф. – Волгоград, 2012.
3. Воронова, Н.Г. Лингвоперсоналогическое моделирование языковой способности // Вестник АлтГПА. – 2013. – № 14-15.
4. Литвин, А.Ф. Многозначность слова в языке и речи: учеб. пособ. для пед. вузов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» – М., 1984.
5. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
6. Зализняк, А.А. Феномен многозначности и способы ее представления // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2.
7. Фесенко, О.П. Фразеология эпистолярных текстов А.С. Пушкина в семантическом, стилистическом и функциональном аспектах: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2003.
8. Макаренко, А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. / сост. М.Д. Виноградова, А.А. Фролов. – М., 1986. – Т. 8.

Bibliography

1. Voronova, N.G. Asimmetrichniy dualizm yazykovogo znaka i kachestvo yazykovoy sposobnosti // Sovremennye problemih lingvistiki i lingvodidaktiki: koncepcii i perspektivih: materialih Vtoroy mezhdunar. zaoch. nauchno-metodich. konf. – Volgograd, 2012.
2. Voronova, N.G. Yavlenie «nekalamburnogo sovmetheniya znacheniy» v tekstakh pisem F.M. Tyutcheva // Yazykovaya i rechevaya kommunikaciya v semioticheskom, funkcionalnom i diskursivnom aspektakh: materialih Mezhdunar. nauch. konf. – Volgograd, 2012.
3. Voronova, N.G. Lingvopersonologicheskoe modelirovanie yazykovoy sposobnosti // Vestnik AltGPA. – 2013. – № 14-15.
4. Litvin, A.F. Mnogoznachnost slova v yazyhke i rechi: ucheb. posob. dlya ped. vuzov po spec. № 2103 «Inostr. yaz.» – M., 1984.
5. Balli, Sh. Obshaya lingvistika i voprosih francuzskogo yazyhka. – M., 1955.
6. Zaliznyak, A.A. Fenomen mnogoznachnosti i sposobi ee predstavleniya // Voprosih yazyhkoznaniya. – 2004. – № 2.
7. Fesenko, O.P. Frazеologiya ephistol'yarnihkh tekstov A.S. Pushkina v semanticheskom, stilisticheskom i funkcionalnom aspektakh: dis. ... kand. filol. nauk. – Omsk, 2003.
8. Makarenko, A.S. Pedagogicheskie sochineniya: v 8 t. / sost. M.D. Vinogradova, A.A. Frolov. – M., 1986. – T. 8.

Статья поступила в редакцию 18.07.14

УДК 82-5

Suhoterina T.P. LETTERS FROM A WAR FRONT AS A GENRE OF THE NATURAL WRITTEN RUSSIAN SPEECH.

The research work is carried out in the same direction with other actual and actively developed directions of modern linguistics – genre studies. It is also devoted to consideration of letters from a war front as a genre of natural written language. The object of the research is the letters from the war front, as one of the most widespread types of communication during the days of the Great Patriotic War. The description of a front letter as a genre of natural written language is carried out within a communicative and semiotics model.

Key words: letters from a war front, speech genre, natural written language, daily occurrence, communicative and semiotics model.

Т.П. Сухотерина, канд. филол. наук, доц. каф. общего и русского языкознания ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: tatsu81@mail.ru

ФРОНТОВОЕ ПИСЬМО КАК ЖАНР ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Статья выполнена в русле одного из актуальных и активно разрабатываемых направлений современной лингвистики – жанроведения и посвящена рассмотрению фронтового письма как жанра естественной письменной речи. Объектом исследования является фронтовое письмо – один из самых распространенных видов коммуникации в годы Великой Отечественной войны. Описание фронтового письма как жанровой разновидности естественной письменной речи осуществляется по параметрам коммуникативно-семиотической модели.

Ключевые слова: фронтовое письмо, речевой жанр, естественная письменная речь, повседневность, коммуникативно-семиотическая модель.

Фронтовое письмо является частью эпистолярного наследия общества вообще и эпохи Великой Отечественной войны, в частности. Фронтовое письмо – это один из традиционных способов передачи / получения информации в годы Великой Отечественной войны. Фронтовое письмо имеет длительную историю изучения. Оно изучалось как исторический, источниковедческий, археологический, документоведческий объект (феномен). Межличностная переписка, письменное общение, безусловно, приносят душевное успокоение, помогают установить духовную связь между людьми, взаимопонимание. «Эпистолярное общение во все времена высоко ценилось, а оставленное потомкам эпистолярное наследие великих и «маленьких» людей раскрывает духовный мир человека, расширяет временные пространственные рамки» [1, с. 262].

Целью данной статьи является рассмотрение фронтового письма как жанра естественной письменной речи (далее – ЕПР). Под термином «естественная письменная речь» понимается «речевая деятельность (и ее результат – тексты), которая занимает свое место в парадигме, построенной по координатам «устная / письменная»; «естественная / искусственная» (искусная) речь, обладающая признаками письменной формы, спонтанностью и непрофессиональностью исполнения» [2, с. 4], это такой вид письменно-речевой деятельности, когда «видение открывается не через язык, а через письмо, а точнее, через руку, старательно выводящую буквы в особом ритме телесного чувства» [3, с. 36]. Естественная письменная речь и ее жанровые разновидности стали объектом лингвистического, жанроведческого изучения сравнительно недавно. Для описания фронтового пись-

ма применяется методическая процедура анализа текстов естественной письменной речи по параметрам коммуникативно-семiotической модели (далее – КСМ), специально разработанной для исследования жанров естественной письменной речи.

КСМ включает 12 параметров: автор; адресат; функция-цель; знак, то есть текст (дикуттно-модусное содержание); графико-пространственный параметр; орудие и средство создания; материальный субстрат знака; место расположения знака; среда коммуникации; коммуникативное время; ход коммуникации; социальная оценка. В рамках настоящей статьи остановимся на рассмотрении фронтового письма по некоторым параметрам представленной модели.

Автор, согласно КСМ, – создатель текста; это один из важнейших параметров, поскольку именно те или иные характеристики автора, его индивидуальные особенности, отражающиеся в высказывании, играют большую роль при создании текста. Автор – субъект текстообразования, «создавая текст определенного жанра, выступает в прагматически обусловленной роли или ролях – таких, которых требует этот вид текста» [4, с. 31]. Речевое поведение каждого конкретного человека, носителя языка, обусловлено коммуникативной ситуацией, а также «...языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью <...> психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности» [5, с. 34].

Автор «неканонизованных видов письменного языка» (рядовой носитель языка) создает не научную или художественную, а повседневную картину мира, структурированную с учетом функций и ценностей, которые составляют жизнь человека в быту, на работе, на отдыхе и т.д. В своих собственных письмах, народных мемуарах, дневниках языковая личность естественна, это личность в чистом виде, автор «играет» самого себя [6, с. 30-31].

Автором фронтовых писем является участник Великой Отечественной войны. Эти люди писали просто, откровенно. Их интересовали самые мелкие бытовые подробности жизни родных и близких вдали от линии фронта, жизнь и люди, по которым они тосковали и за которых беспокоились, им они передавали многочисленные приветы.

*«Во-первых, спешу сообщить, что жив, здоров того раз-решите и вам пожелать... Ну как вы живете, как здоровье? Лиди наверно начала учиться. Как получите деньги, приобретайте продукты питания, а также Лиде одежду, обувь и себе. Что от Петра есть? Передавайте братьям привет, родным и знакомым, Черкашину».*¹

Проанализировав фациент «Автор фронтового письма» на основе имеющегося материала, можем выделить следующие коммуникативные характеристики автора:

1. Моноавтор / полиавтор. Как правило, автором фронтового письма является одно лицо, и оно занимает все пространство текста.

2. Автор-скриптор / автор креативного типа. Учитывая среду коммуникации, условия, в которых создается фронтовое письмо, порой отсутствие времени на обдумывание и написание письма, авторами фронтовых писем являются люди типа «скриптор», для которых не характерно приукрашивание событий, украшение письма (нет поэтизации действительности); они стараются фиксировать информацию, точно описывать события, стремятся к объективности.

3. Открытый / закрытый автор. Считаем, что по типу коммуникации автор фронтового письма представляется как закрытый. Фронтовые письма помещаются либо в конверт, либо сворачиваются в треугольники.

4. Автор эмоциональный / автор безэмоционального типа. Для анализируемых текстов фронтовых писем характерны эмоциональная лексика, эмоционально-оценочные средства, используемые авторами, поэтому автор фронтового письма может быть охарактеризован как автор эмоционального типа, например:

«Милая Ирочка! Из-за проклятого расстояния у меня получается, как у Иванушки-дурачка, который на похоронах веселился, а на свадьбе вел себя, как на похоронах...».

«Что мне еще очень неприятно – это мои замечания и отзывы о твоём товарище, Ване. Теперь я вижу, как в некоторых заключениях я был не прав...».

«Находимся около одной важной высоты занятой немцам. Скоро им придется покинуть насиженное место».

«Смерть Вашего сына мы тяжело пережили. Он погиб как один из храбрых. За его смерть мы отомстим этим проклятым извергам, сотрем их с лица земли. Крепко жму руку».

5. Эксплицированный / неэксплицированный. Автор фронтового письма представляется как эксплицированный, он всегда выражен, назван. Авторское начало эксплицировано в текстах писем личными местоимениями, личными формами глаголов, подписью: «спешу сообщить, что жив»; «я вам выслал две тысячи рублей»; «моя жизнь проходит попрежнему», «Ваш сын Петр» и др.

Фронтовое письмо является разновидностью частного письма, которое, по мнению Н.И. Белуновой, политематично и полифункционально в силу того, что не предназначено для публикации [7]. Автор такого свободен в своих речевых проявлениях, а это, по словам О.П. Фесенко, делает данную жанровую разновидность «очень субъективным жанром» [8, с. 179]. Особенности такого письма во многом обусловлены «личностью автора, который не может отстраниться от излагаемой им информации, реализует свое «Я» в каждой строке, в каждом слове эпистолярного текста» [8, с. 179].

«Моя жизнь проходит попрежнему и почти однообразно. Правда сдала в печать с другом сборник стихов, который в этом году должен выйти. Сейчас все свободное время уделяю на самообразование по литературе и понемногу пишу сам. Как не странно, но до сих пор на пути моем два стремления – одно литература, а второе медицина, которую я стал почему-то ненавидеть, чем любить».

Адресат – это не просто читатель фронтового письма, это «избранный читатель», на которого ориентируется и к которому непосредственно обращается автор, то есть лицо, которому адресовано сообщение, фронтовое письмо. Также адресатом может быть «потенциальный читатель, который является элементом среды» [2, с. 8], то есть любое лицо, которое оказалось свидетелем речевого общения – «наадресат» [9, с. 323]. Так, к примеру, элементом среды коммуникации в фронтовых письмах может являться военная цензура. Некоторые строки фронтовых писем, в которых содержалась важная информация (не для распространения), зачеркивались, а на таком письме (треугольнике или конверте) ставился штамп, например: «ПРОСМОТРЕНО Военной Цензурой АМ/37».

Адресат – это также важный признак речевого жанра. Согласно точке зрения М.М. Бахтина, обращенность к кому-либо в высказывании является «конституирующим признаком высказывания» [9, с. 290]. Адресат имеет особое значение в жанровой организации высказывания. Однако необходимо разграничивать признаки адресата, свойственные определенным типам жанров и индивидуальные признаки адресата, составляющие личностное начало (ср. фронтовое письмо в официальные органы и фронтовое письмо семье, другу, близкому человеку, написанное одним автором).

Описание жанровых признаков адресата фронтового письма можно проводить по нескольким параметрам.

1. Моноадресат / полиадресат. Адресатом фронтовых писем может быть как одно лицо, так и несколько.

2. Свой / чужой (по статусному параметру, по типу взаимоотношений с автором). В жанре «Фронтовое письмо» выделяется, как правило, «свой» адресат, близкий, родной человек (родители, братья, сестры, супруги). Но в некоторых письмах адресат может быть охарактеризован как «чужой». Это человек, посторонний для автора, но с которым он вступает в контакт, например:

«Уважаемые товарищи Владимирцевы! Письмо, которое Вы писали своему сыну я получил. Сообщаю, что сын Ваш Ваш погиб в борьбе с немецкими оккупантами за нашу Родину 26/VII - 43 г.».

«В основном, что я хочу Вам в своем письме сообщить, это печальную весть о Вашем брате. Ваш брат в боях за Родину погиб 6.10.1944 года. А пока до свидания».

3. Эксплицированный / неэксплицированный. Фронтовое письмо представляет собой жанр, в котором адресат эксплицитно выраженный. Адресат в тексте фронтового письма эксплицирован, назван. Коммуникативная установка автора целе-

¹ Здесь и далее в приведенных примерах из текстов фронтовых писем сохранены авторская орфография и пунктуация.

направленна, адресат непосредственный, в текстах, как правило, присутствует обращение: «Здравствуйте, дорогие Дядя и Леля!», «Здравствуй, Нина», «Милая Ирошка!» и др.

4. Близкий / далекий. С точки зрения пространственного параметра (адресат присутствует рядом или нет), адресат фронтального письма может быть охарактеризован как далекий, находящийся далеко, не владеющий определенной информацией, которую ему сообщает автор.

Функционально-целевой параметр фронтального письма. Фронтальное письмо как речевой жанр представляет собой полифункциональный жанр. Рассмотрим некоторые функции, реализуемые в жанре «Фронтальное письмо».

1. Коммуникативная функция (функция общения). В ходе формирования дискурса уже на стадии возникновения коммуникативного намерения пишущий ориентируется на ту или иную социально-коммуникативную ситуацию, на ту или иную модальность общения (конфликтную, центрированную, кооперативную); именно на этом этапе у говорящего появляется – пока еще смутная – общая цель (интенция, иллюзия) высказывания [10].

М.М. Бахтин отмечал, что определяющей чертой речевого жанра является коммуникативная цель, «которая определяет типы или жанры человеческого общения, в рамках которых формируются характерные для коммуникации ролевые структуры и виды модальности» [11, с. 648]. Рассмотрение любого речевого жанра не представляется возможным без понимания реализации коммуникативного замысла говорящего.

Коммуникативная цель фронтального письма реализуется с учетом установки на диалогичность, то есть во внимание берется направление мнения автора на адресата. Коммуникативная цель, которую преследует автор фронтального письма, формируется во внеязыковой действительности и определяется ситуативным фактором. Результатом коммуникативной функции является «установление контакта автора с адресатом с целью последующей передачи ему сообщения и воздействия на него» [12,

с. 146]. Коммуникативная функция для фронтального письма является главной, поскольку «все остальные функции могут реализовываться исключительно в акте коммуникации как отдельные ее характеристики, доминирующие или периферийные для него» [12, с. 147].

2. Информативная функция – вступление в общение, имеющее целью сообщение чего-либо, передача информации от автора к адресату. При передаче информации, по мнению А.В. Курьянович, «происходит авторская «обработка» информации. Адресант пропускает весь материал через призму собственного восприятия, осуществляя его отбор в соответствии с системой своих ценностных параметров» [12, с. 147].

Автор фронтального письма сообщает о своем состоянии («Во-первых, спешу сообщить, что жив, здоров...»); о фронте, боевых действиях («На «фронтах» наших границ пока все спокойно»; «Завтра иду в бой»); о фактах фронтальной повседневности; о погоде («Погода наступила довольно суровая. Мороз с ветром»); о знакомых («Я от Черкашина получил одно письмо. Он будет работать в школе») и др.

3. Мемориальная (памятная, документальная) функция. В текстах фронтальных писем содержится ценная информация о событиях, участниками которых были авторы писем, о фронтальной повседневности, о людях, о жизни в пределах линии фронта. Кроме этого, «солдатские письма позволяют восстановить образ жизни и мыслей, чувства и надежды наших отцов и дедов, защищавших Родину в годы Великой Отечественной войны» [13].

Таким образом, фронтальное письмо представляет собой жанр естественной письменной русской речи, выработанный народной культурой, имеющий свои характеристики. Дальнейшее исследование фронтального письма в жанроведческом аспекте позволит выявить жанрообразующие признаки фронтального письма, а также доминантные и детерминантные признаки исследуемого жанра.

Библиографический список

1. Дмитриева, Е.Ф. Частно-официальное письмо-просьба как жанровая разновидность и форма реализации естественной письменной речи // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты: материалы конф. – Барнаул, 2002. – Ч. I: Проблемы письменной речи и развитие языкового чувства.
2. Лебедева, Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. – 2001. – № 1.
3. Подорога, В.А. Евнух души. Позиция чтения и мир Платонова // Параллели. – М., 1991. – Вып. 2.
4. Будагов, Р.А. Человек и его язык. – М., 1974.
5. Никитина, С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М., 1989.
6. Сухотерина, Т.П. Жанры естественной письменной речи. Народные мемуары: монография / Т.П. Сухотерина, Н.Б. Лебедева, Н.Г. Воронова, Е.Ф. Дмитриева, О.С. Панкратова. – Барнаул, 2012.
7. Белонова, Н.И. Диалогизация как доминантная категория текста дружеского письма // II международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. – М., 2004.
8. Фесенко, О.П. Фразеология эпистолярных текстов А.С. Пушкина в семантическом, стилистическом и функциональном аспектах: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2003.
9. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч.: в 7 т. – М., 1996. – Т. 5.
10. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М., 1998.
11. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
12. Курьянович, А.В. Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации // Вестник ТГПУ. – 2009. – Вып. 9(87).
13. Калыев, В. Фронтальные дневники и солдатские письма [Э/р]. – Р/д: <http://odinnadz.blogspot.ru/2012/08/frontovye-dnevnik-i-soldatskie-pisma.html>

Bibliography

1. Dmitrieva, E.F. Chastno-oficialnoe pis'mo-pros'ba kak zhanrovaya raznovidnost' i forma realizacii estestvennoy pis'mennoy rechi // Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': issledovatel'skiy i obrazovatel'nyy aspektih: materialih konf. – Barnaul, 2002. – Ch. I: Problemih pis'mennoy rechi i razvitie yazykovogo chuvstva.
2. Lebedeva, N.B. Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak objekt lingvisticheskogo issledovaniya // Vestnik BGPU: Gumanitarniye nauki. – 2001. – № 1.
3. Podoroga, V.A. Evnuh dushi. Poziciya chteniya i mir Platonova // Paralleli. – M., 1991. – Vihp. 2.
4. Budagov, R.A. Chelovek i ego yazhik. – M., 1974.
5. Nikitina, S.E. Yazykovoe soznanie i samosoznanie lichnosti v narodnoy kul'ture // Yazhik i lichnost'. – M., 1989.
6. Sukhoterina, T.P. Zhanrih estestvennoy pis'mennoy rechi. Narodniye memuarih: monografiya / T.P. Sukhoterina, N.B. Lebedeva, N.G. Voronova, E.F. Dmitrieva, O.S. Pankrashova. – Barnaul, 2012.
7. Belunova, N.I. Dialogizatsiya kak dominantnaya kategoriya teksta druzheskogo pis'ma // II mezhdnarodniy kongress issledovateley russkogo yazhika. Russkiy yazhik: istoricheskie sud'bi i sovremennost'. Trudi i materialih. – M., 2004.
8. Fesenko, O.P. Frazzeologiya ehpisto'yarnikh tekstov A.S. Pushkina v semanticheskom, stilisticheskom i funktsional'nom aspektakh: dis. ... kand. filol. nauk. – Omsk, 2003.
9. Bakhtin, M.M. Problema rechevikh zhanrov // Sobr. soch.: v 7 t. – M., 1996. – T. 5.
10. Gorelov, I.N. Osnovih psikholingvistiki / I.N. Gorelov, K.F. Sedov. – M., 1998.
11. Bakhtin, M.M. Ehstetika slovesnogo tvorchestva. – M., 1979.
12. Kur'yanovich, A.V. Funktsional'niye vozmozhnosti ehpisto'yarnogo diskursa kak osoboy formih mezhlichnostnoy kommunikacii // Vestnik TGPU. – 2009. – Vihp. 9(87).
13. Kalyaev, V. Frontovye dnevniki i soldatskie pis'ma [Eh/r]. – R/d: <http://odinnadz.blogspot.ru/2012/08/frontovye-dnevnik-i-soldatskie-pisma.html>

Статья поступила в редакцию 17.07.14

УДК 82

Sarbalayev Zh. T. FROM THE HISTORY OF THE ADJECTIVE IN THE KAZAKH LANGUAGE. The article is dedicated to one of the most important aspects of the history of Kazakh: it discusses the development of adjectives as a grammatical class in the Kazakh language. The paper considers different ways of formation of adjectives in the Kazakh language, such as, root adjectives, adjectives of a verbal origin and affixational formation of adjectives.

Key words: adjective, history of language, Kazakh language, Turkic languages, word formation, affixation, root, morpheme, derived adjectives, linguistics.

Ж.Т. Сарбалаев, канд. филол. наук, проф. казахской филологии, декан гуманитарно-педагогического факультета Павлодарского гос. университета им. С. Торайгырова, г. Павлодар, E-mail: mergaliev_d@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена одному из важных аспектов истории казахского языка: рассматривается вопрос развития имен прилагательных как грамматического класса в казахском языке. Рассматриваются разные пути образования имен прилагательных в казахском языке такие, как корневые прилагательные, прилагательные глагольного происхождения и аффиксальное образование имен прилагательных.

Ключевые слова: имя прилагательное, история языка, казахский язык, тюркские языки, словообразование, аффиксация, корень слова, морфемы, производные прилагательные, языкознание.

Имя прилагательное в современном казахском языке принадлежит к числу развитых частей речи, в которых система категориальных признаков располагает многочисленными способами выражения.

В казахском языке, как и в других тюркских языках, различаются качественные прилагательные, обозначающие качество предмета, проявляющееся с различной степенью интенсивности, и относительные прилагательные, обозначающие свойства предмета через его отношение к другому предмету или действию. Казахский язык, как и другие тюркские языки, безусловно, относится к той группе языков, в которых прилагательные обладают чертами, свойственными именным частям речи. Это свойство имен прилагательных исторически можно объяснить генетической связью имен существительных и прилагательных. Как писал А.А. Потебня, «путь от существительного к прилагательному есть атрибутивное употребление существительного» [1]. Однако одновременное употребление именных омонимов в функции определения и в функции определяемого следует отграничить от употребления существительного в функции определения существительного в функции определения при наличии существительных и прилагательных как самостоятельных частей речи.

Следует отметить, что «именное» происхождение прилагательных не является единственно возможным путем их становления как части речи. Факты казахского языка, как и других тюркских языков, подтверждают «глагольное» происхождение многих имен прилагательных.

Прилагательное как часть речи стало отграничиваться от существительного, именных форм глагола по своему значению и синтаксической функции, а также по системе словообразования и словоизменения еще в глубокой древности. В языке древнетюркских памятников V-VIII вв. оно выступает как вполне оформившаяся часть речи, в которой система словообразования начала получать отличительный звуковой облик и семантическую самостоятельность. Исследование фактов древне- и старотюркских памятников как в синхронии, так и в историко-сравнительном аспекте создает больше возможностей проследить этот процесс. При этом на первый план выдвигается система категориальных признаков частей речи в современном казахском языке. Ибо при рассмотрении языковых явлений с исторической точки зрения выявляется «не только сосуществование, но и взаимодействие лексической, грамматической и фонетической сторон языка» в процессе развития.

В данной статье отдельно рассматриваются корневые имена прилагательные (с точки зрения современного языка) и аффиксальное образование прилагательных, явления адъективации, трансформации и аналогии в развитии прилагательных.

Корневые имена прилагательные. В развитии корневых имен прилагательных определенную роль сыграли два момента.

Во-первых, расширение семантики отдельных имен. Здесь имеется в виду, что слово, кроме своего предметного значения,

процессе употребления приобретает значение свойства или признака предмета. Явление расширения семантики слова в развитии имен прилагательных не ново. Например, слово *көк* в древнетюркском языке означало цвет – синий, синее и имело предметное значение небо. Предметное значение, по всей вероятности, было первично, что подтверждается употреблением *көк* в значении ‘божество, бог’. Ассоциация неба с синим цветом способствовала развитию значения прилагательного. Этот процесс семантической адъективации в дальнейшем развитии языка стал основным способом расширения круга прилагательных. В современном казахском языке, благодаря этому процессу, многие слова из группы так называемых первообразных прилагательных имеют двойное значение: признака (свойства) и предмета (явления, процесса). Об этом свидетельствуют значения таких слов, как *жарық* ‘светлый, свет; щель, сквозь которую проходит свет’, *көк* ‘синий, голубой, зеленый; синева, зелень, трава, кара черный; чернота, простой; простой народ и т.д.’ [2; 16]

Во-вторых, в процессе употребления многие слова из других частей речи также переходили в разряд имен прилагательных. В частности, базой расширения разряда прилагательных были именные формы глагола. Поэтому многие первообразные прилагательные в современном языке исторически соотносятся с существительными и глаголами. Явление перехода из других частей речи в разряд прилагательных было свойственно языку древних памятников. Приведем некоторые факты. В «Құтадғу билигі» есть такое предложение: *Нече бег қарымты, қарымаз өзі, где слово қарым* употреблено в залоговой форме. В современном казахском языке отсутствует глагол *қары* и соответственно нет его залоговой формы. Современный язык знает прилагательные *қары*, *кәрі*, *қарт* и производный глагол *қартай*-(ды). Аналогичный пример встречается в языке памятников в честь Тоньюкука: *өзүм қары бастым*, где *қары* употреблено в составе сложного глагола.

Прилагательные, обозначающие цвет, употребляются как первообразные и неделимы на составные части. Основы, от которых они образованы, неизвестны или их невозможно установить. Так, в отличие от других прилагательных со значением цвета, к слову *қызыл* аффиксы степеней сравнения присоединяются двойко: *қызыл+дау*, *қызыл-ырақ* и *қыз-ғылт*. В первом случае *-дау*, *-рақ* присоединяются к полной форме, во втором – при присоединении *-ғылт* «опускается» исходный слог *-ыл*. Второй случай дает основание соотнести прилагательное *қызыл* со словами *қызар*, *қырмызы*, *қызамық*, *қызылш*, *қызылдық* и считать его исторически производным. Прилагательное *сары* с точки зрения современного языка тоже не делится на составные части. Однако известно, что в древнетюркском языке оно имело форму *сарығ*, а в языке Среднеазиатского тегсира встречается форма *сару* (*miş sarusyn kedәru*). В «Диване» Кашгарского имеется производный глагол *сарғыр* (каз. *сарғай*). Эти факты показывают, что прилагательное *сары* исторически представляет собой производное слово, образованное

присоединением аффикса *-ығ* типа: *сарғай, сарсы, сарсыл, сырғалдақ, сарсық*. Прилагательные *ұлы, кіші*, как известно, в языке древнетюркских памятников имели форму *улуғ/улығ, кішіг*. От них и образованы формы *үлкен, кішкентай, кішкене*, где *-қан, -кен* – аффиксы уменьшительно-ласкательного значения. От корней *ул, кіш* образуются и глаголы: *ұлағай, кіш (і) рей*. *Ұл* можно было бы соотнести с древнетюркским глаголом *у*, который С.Е. Малов объясняет как 'быть в состоянии что-либо сделать': *камшау уматын* – не будучи в состоянии двигаться [3].

Прилагательные *ұзын, ұзақ* образованы от корня *ұз*, который в современном казахском языке самостоятельно не употребляется. В древнетюркском: *уд/удз/уз* – следовать присоединяется, идти за кем-либо, *уза* – тянуться, затягиваться, и от этих корней происходит послелог *удзу* 'вслед, за'. Таким образом, корень, от которого образованы прилагательные *ұзын, ұзақ*, был глаголом; от этого корня в древнетюркском образовалась и залоговая форма *узал* [4; 14].

Сравнивая факты современного языка, можно установить производность и таких прилагательных, как *қыныр, жұмыр, обыр, мықыр, шытыр, бүкір*, ибо существуют слова *бүк (бүк түсті), мық (мықшы, мықты), ол (обыл жіберді, опырды), жұм*.

Таким образом, первообразные имена прилагательные в современном языке исторически производны. В процессе развития эти производные стали качественными прилагательными. Однако вряд ли можно считать их производными прилагательными, образованными путем аффиксации.

Аффиксальное образование имен прилагательных как установившееся явление известно было еще языку древнетюркских памятников. В процессе его развития значения отдельных аффиксов дифференцировались. Некоторые изменения произошли в звуковом составе отдельных аффиксов. И наконец, некоторые аффиксы, слившись с корнем, как средство словообразования утратились.

Именные аффиксы. Аффикс *-лығ / -ліе* был продуктивным способом образования прилагательных в древнетюркских языках: *адағ-лығ, қут-луғ*. Аффикс *-лығ* участвовал в образовании существительных и прилагательных. Некоторые исследователи отмечают функциональную дифференциацию вариантов *-лығ* и *-лық*. Однако, надо заметить, даже в языке «Дивана» Кашгарского она не всегда сохраняется. Это дает основание считать, что окончательно она могла произойти с появлением «сокращенного» варианта *-лы*, который в тюркологии неоднократно объяснялся неустойчивостью звука *г* в ауслауте. Как аффикс имен прилагательных *-лы* встречается в памятниках XVI в., см. КК: *алғышлы, атлы, азықлы, қылықлы, жараулу, қутлу, мүлүклү*. Употребление в виде *-лы* в Золотоордынских памятниках отмечается Э.И. Наджибом. Тот факт, что *-лы* как аффикс прилагательных употребляется в языке памятников XIII-XIV вв. наталкивает на мысль о том, что дифференциация значений *-лық* и *-лы* произошла именно в этот период [5].

Аффикс *-қы/-кі, -ғы/-гі* как способ образования прилагательных со значениями места, времени активно употреблялся в языке орхон-енисейских памятников: *беңзу ташқа уртым*. Вместе с тем аффикс *-қы* здесь присоединялся к формам местного падежа на *-ра – ічракі*, и к формам на *-та – көңүлтекі сабымын* (КТ) *төрт буландақы* (КТ). Таким образом, в языке древнетюркских памятников аффикс *-қы* присоединялся к трем формам: непосредственно к корню, к форме на *-ра* и к форме на *-да*. Это же мы находим в средневековых памятниках: КБ-*қышқы, бурунқы, ҚҚ- ескі, ілкі, көңілдекі, күзгү*. Однако производные прилагательные с аффиксом *-ре+гі* в указанных памятниках не встречаются, так как они уже перешли в разряд наречий [6].

В.Котвич и Г.Рамстедт рассматривают аффикс *-қы* как общеалтайский и видят его в составе аффиксов *-қын, -қыш, -қур* [7; 15]. Э.В.Севортян исходным значением *-қы* считает признак по положению в пространстве.

Корневые морфемы некоторых имен прилагательных с аффиксом *-қы* затемнены, например: в современном казахском языке отсутствуют самостоятельные корневые слова *-ес, -іл, -и*, что указывает на древность их образования. Аффикс *-қы* в казахском языке не является продуктивным, вместо него выступает сложный аффикс *-дағы*, который перенял все его значения.

Аффикс *-сыз/сіз* как способ образования встречается еще в древнетюркских памятниках: *буңсыз, ідісіз, ашсыз* (КТ). Так же продуктивен он в старотюркских памятниках: *башсыз, түтүнсіз* – МК, *аңсыз, атасыз, бурынсыз* – КК. Факты показывают, что

развитие *-сыз* в основном сводится к расширению круга слов, к которым он присоединяется. Ученые относят *-сыз* к группе составных аффиксов [8]. Н.А. Баскаков видит в нем два элемента: *-сы* и *-р*, первый из которых образовал от имен глаголы, обозначающие действие, относящееся к активному субъекту, а второй – аффиксы отрицания. По своему происхождению *-сыз* соотносительна с аффиксами *-сы (сусы), -сыра (-сы+ра: қансыра, р-з)*.

Аффикс *-дақ* в составе имен прилагательных *тастақ, шаңдақ, жалтақ, құмдақ* относится к числу аффиксов, образовавшихся в результате фузии. У многих прилагательных с аффиксом *-дақ* имеются глагольные варианты. Ср.: *жалтақ* и *жалтар, шаңдақ* и *шаңда* и т.д. Эти факты дают основание считать, что первый элемент *-да* – глаголообразующий аффикс, *-қ* – аффикс имени действия. Слова с *-дақ* в современном казахском языке малочисленны: он уже не образует новые имена.

В составе немногих слов типа *қырсық, жаңсақ, бықсық, таңсық* выделяются древнетюркские аффиксы *-сық, -сақ*. Смешение значений аффиксов *-сық, -сақ*, видимо, явление древнее. В казахском языке прилагательные на *-сық, -сақ* семантически однородны. Если сравнить приведенные имена прилагательные со словами *қыртыс, жаңыл, бықсы, таңқал*, то можно убедиться, вслед за Э.В. Севортяном, что оба аффикса являются результатом фузии, состоят из глаголообразующего *-са// -сы* и аффикса отглагольных имен *-қ/-ғ*. Глагольные аффиксы. Значение производного слова, как правило, складывается из двух источников: реального вещественного значения исходной основы и значения словообразовательного аффикса.

Отглагольные прилагательные не составляют исключения. Более того, аффиксы отглагольного образования в казахском языке встречаются и в составе существительных, а некоторые из них служат и формообразующими аффиксами глагола. Факты древне- и старотюркских памятников показывают, что отглагольные имена в своем грамматическом значении не всегда были дифференцированы и могли выступать как в роли существительного, так и в роли прилагательного. Эта недифференцированность оставила свои следы и в современном языке [9].

Аффиксы *-қы, -кі, -ғу, -қу, -кү* в древне- и старотюркском образовали отглагольные имена: *бу евегі кіргү өз ол*. На дифференцированность значения *-қы* в древнем языке указывает на то, что к производным присоединялся аффикс действующего лица *-чы: Сізлерні йаратгучы, йурутгучы бір теңрі* (КК). В связи с этим уместно вспомнить замечание В.В. Радлова о значении глагола *йар: йар* значит собственно: разделять, рассудить, от него происходит и *йарту* 'суд', *йартучы* 'судья'. В.В. Радлов, как видно, отделяет значение действующего лица от значения отглагольного имени [10]. Махмуд Кашгарский производные *урғу, бығғу, йегу* объясняет как слова, утратившие глагольное значение и превратившиеся в имена. Эти факты до некоторой степени подтверждают мнение о былой недифференцированности значения *-қы*. В казахском языке слова с аффиксом *-қы* встречаются как в составе существительных, так и прилагательных: *соққы, күлкі, талқы* – существительные, *жинақы, ойнақы, күлдіргі* – прилагательные. Однако надо заметить, что прилагательные на *-қы* образованы присоединением аффикса *-қы* к производной основе: *бас-ыт-қы, қал-ыт-қы*. Среди прилагательных в казахском языке выделяются слова, образованные сложным аффиксом *-ыңқы*, где элемент *-ың* выражает неполноту качества. У Махмуда Кашгарского встречается аф. *-ң*, который он объясняет как аффикс притворства, незавершенности действия: *Ол ат суғаарунды* 'Он создал вид, что повел коня на водопой'. В казахском языке этот аффикс сохранился только в составе указанного сложного аффикса [11].

В казахском языке многие прилагательные образованы посредством аффикса *-қы/-і/-қ/-к*: *батық, жарық, жырттық, жырық, анық, бұзық, шірік, бітік, сирек, жалақ, ширақ, белек* и т.д. Исходные основы некоторых из них утратили свою лексическую самостоятельность, и значение их восстанавливается на основе сравнительных фактов. Так, корни прилагательных *жарық, арық, жырақ, білік* самостоятельно не употребляются. Однако в древнетюркском языке были глаголы *йару, ары, йыра, беду*. В отличие от слов с аффиксом *-қы*, многие прилагательные с аффиксом *-қ* не утратили способности управления, например: *ауылдан қашық, мінезге сынық, іске ширақ*. Махмуд Кашгарский *-қ/-ғ* объясняет как один из видов масдара и замечает, что прилагательные образуются посредством присоединения аффикса *-лы*.

Некоторые прилагательные образованы посредством аффикса *-н/-ын/-ін*: *бүтін, жасырын, жатын, ұзын* и т.п. Исходные основы их в современном языке употребляются самостоятельно, или их можно восстановить путем сравнения со словами *бүт(кіл), жасыр, жатық, ұза*. Такое сравнение дает основание предполагать, что слова с аффиксом *-н* прошли стадию имен действия. А.Н.Кононов на основе материалов Ж. Дени предположил, что *-н* – видоизмененный вариант *-қын*.

Некоторые аффиксы, рассматриваемые как средство образования прилагательных от глаголов, в казахском языке употребляются и как модификационные аффиксы глагола. Однако они в составе прилагательных потеряли свое первоначальное значение и срослись с корнями; таков, например, аффикс *-р/-ыр/-ір*: *бүкір, жұмыр* (ср. существительное *жұмырық*), *шымар, обыр*. Эти слова образованы от корней *бүк, жұм, оп*. В юго-западных тюркских языках, как известно, аффикс *-р* (с узкими гласными) образует причастие. Аффикс *-мыс/-мыш*: *жасамыс, алдамыш, картамыш* имеется и в существительных *тұрмыс, болмыс*. Во многих современных языках *-мыс* образует причастие прошедшего времени. В немногих словах встречается аффикс *-қын*: *қашқын*.

К аффиксам, образующих прилагательные от глагола, принадлежит и аффикс *-қыр/-ғыр, -кір/-гір*: *ұшқыр, тапқыр, алғыр, білгір*. Аналогичные производные имеются и в других современных тюркских языках. Относительно этимологии *-қыр* в тюркологии высказаны различные мнения. А.Н. Кононов склонен видеть в нем преобразованный вариант аффикса дательного падежа [12]. Узбекский лингвист Ш. Шукуров считает его сокращенным фонетическим вариантом аффикса среднетюркского языка *-ғалыр*, который в свою очередь, образовался путем слияния двух аффиксов: деепричастия цели *-ғалы* и причастия *-р*. В связи с этим надо принимать во внимание факт употребления среднетюркского *-ғалыр* в значении уподобительного *-дай*.

Развитие прилагательных было тесно связано с развитием существительных. Об этом лишний раз свидетельствуют так называемые аффиксы прилагательных. Если рассмотреть их с точки зрения, то можно предположить такую последовательность образования: корневой глагол + аффикс имен + аффикс прилагательных. Рассмотрим их в отдельности.

– *Ымды/-імді/-мды/-мді*: *өтімді, батымды, татымды* и т.д. первый элемент аффикса – *-м*; непосредственно присоединяясь к глаголу, образует имена: *өтім, батым, татым* (кстати, они употребляются и самостоятельно), а от них посредством аффикса *-ды* (вариант *-ді*) – прилагательные.

– *Малы (мелі)*: *жылжымалы, бұрмелі* и т.д. распадается на две части: *-м* – имяобразующий и *-лы*.

– *Мсақ/-мсек/-ымсақ/-імсек*. Второй элемент *-сақ*, хотя в казахском языке непродуктивен, но в истории тюркских языков известен как продуктивный способ образования прилагательных. Махмуд Кашгарский отмечает его как активно употребляющийся и замечает, что он образует слова не от корневых глаголов, а от имени действия, иногда и от имен; в последнем случае элемент *ғ* отсутствует.

В прилагательных типа *сақсалақ, ұшқалақ* выделяется сложный аффикс *-қалақ*, в котором можно было увидеть составные части: *-қа* – аффикс имени действия, *-да* – глаголообразующий и *-қ* имяобразующий. В этом случае можно было бы усмотреть следующие этапы смены функции: имя действия – производный глагол – имя; следовательно, сращение аффиксов произошло в процессе смены функции путем аффиксации. Постепенно сращенные аффиксы стали единой морфемой. Такой же путь образования прошел сложный аффикс *-ғылықты/-гілікті/-қылықты*. В учебниках по современному казахскому языку *-ғылықты* трактуется как единый аффикс, что верно с синхронной точки зрения. Однако исторически аффиксы, скажем, в прилагательном *жергілікті* и слове *жеткілікті* не идентичны. Дело в том, что *-ғылықты* в *жергілікті* распадается на составляющие элементы *-ғы* – аффикс прилагательного. В составе слова *жеткілікті* первый элемент представляет собой аффикс имени действия, который присоединяется к глаголу (например, *бұрақлы, жинақы*). Таковы основные особенности аффиксов имени прилагательного.

Суммируя сказанное об аффиксах прилагательного, можно отметить следующее: аффиксы, образующие прилагательные от имен, исторически оставались продуктивными. Аффиксы, непродуктивные в современном языке, присоединялись к глагольным основам. Историческую продуктивность аффиксов, присоединяющихся к именам, можно объяснить тем, что существительные, служившие основами производных прилагательных, употребляются самостоятельно, подчеркивая тем самым границу между корнем и аффиксом.

Библиографический список

1. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1968.
2. Ярцева, В.Н. Диахроническое изучение системы языка // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М., 1960.
3. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1957.
4. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
5. Наджип, Э.Н. Кипчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в.: автореф. дис. д-ра филол. наук. – М., 1965.
6. Памятник в честь Кюль-Тегина // Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951.
7. Котвич, В. Исследование по алтайским языкам. – М., 1962.
8. Севортян, Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. – М., 1966.
9. Баскаков, Н.А. К вопросу о происхождении условной формы на *-са/-се* в тюркских языках // Академику В.А. Гордлевскому к его 70-летию. – М., 1953.
10. Радлов, В.В. Ярлыки Токтамыса и Темир Кутлуга // ЗВРАО., 1988.
11. Кошгарий, М. Девонту луготит турк. – Ташкент, 1961.
12. Канонов, А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л., 1956.
13. Исследование по лексике и грамматике тюркских языков. – Ташкент, 1965.
14. Аюпов, Н. Тенгрианство как открытое мировоззрение. – Алматы, 2012.
15. Виноградова, Н.А. Традиционное искусство Востока – терминологический словарь / Н.А. Виноградова, Т.П. Каптерева, Т.Х. Стародуб. – М., 1997.
16. Орынбеков, М.С. Духовные основы консолидации казахов. – Алматы, 2001.

Bibliography

1. Potebnya, A.A. Iz zapisok po russkoy grammatike. – M., 1968.
2. Yartseva, V.N. Diakhronicheskoe izuchenie sistem yazykh // O sootnoshenii sinkhronnogo analiza i istoricheskogo izucheniya yazykhov. – M., 1960.
3. Malov, S.E. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. – M.; L., 1957.
4. Drevnetyurkskiy slovarj. – L., 1969.
5. Nadzhip, E.N. Khipchaksko-oguzskiy literaturniy yazyk mamlyukskogo Egipta KhIV v.: avtoref. dis. d-ra filol. nauk. – M., 1965.
6. Pamyatnik v chest' Kyulj-Tegina // Malov S.E. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. – M.; L., 1951.
7. Kotvich, V. Issledovanie po altajskim yazykhkam. – M., 1962.
8. Sevortyan, E.V. Affiksny imennogo slovoobrazovaniya v azerbaydzhanском yazyhe. – M., 1966.
9. Baskakov, N.A. K voprosu o proiskhozhdenii uslovnoy formy na *-sa/-se* v tyurkskikh yazykhakh // Akademiku V.A. Gordlevskomu k ego 70-letiyu. – M., 1953.
10. Radlov, V.V. Yarliki Toktamisha i Temir Kutluga // ZVORAO., 1988.
11. Koshgariy, M. Devontu lugotit turk. – Toshkent, 1961.
12. Kanonov, A.N. Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo yazykhka. – M.; L., 1956.
13. Issledovanie po leksike i grammatike tyurkskikh yazykhov. – Tashkent, 1965.

14. Ayupov, N. Tengrianstvo kak otkritoe mirovozzrenie. – Almatih, 2012.
15. Vinogradova, N.A. Tradicionnoe iskusstvo Vostoka – terminologicheskij slovarj / N.A. Vinogradova, T.P. Kaptereva, T.Kh. Starodub. – M., 1997.
16. Orihnbekov, M.S. Dukhovnihe osnovih konsolidacii kazakhov. – Almatih, 2001.

Статья поступила в редакцию 12.07.14

УДК: 801

Al-Dureid Mohammad. RUSSIAN PERSONAL NAMES AGAINST THE BACKGROUND OF ARABIC NAMES. In this paper we show the history of Russian personal names and Arabic names, a comparison is made between them, emphasizes the connection with personal names society identifies their linguistic features and provides guidance to teachers of the Russian language in the Arab audience regarding Russian anthroponymy.

Key words: names, anthroponymy, list of names, threefold name, Byzantium, Christianity, Islam, popular names, comparison, Islamic coloring, Christian coloring.

Аль-Дурейд Мохаммад, магистр филологических наук, преп. русского языка факультета языков и перевода университета им. Короля Сауда, г. Эр-Рияд, КСА, E-mail: mdureid@ksu.edu.sa

РУССКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА НА ФОНЕ АРАБСКИХ ИМЕН*

В работе показывается история русских личных имён и арабских имён, делается сопоставление между ними, подчёркивается связь личных имён с обществом, выявляются их языковые особенности и приводятся рекомендации преподавателям русского языка в арабской аудитории относительно русской антропонимии.

Ключевые слова: имена, антропонимия, именник, трёхчленное имя, Византия, христианство, ислам, популярные имена, сопоставление, исламская окраска, христианская окраска.

Первая глава. История развития русских личных имён

Пользуясь языком, мы ежедневно сталкиваемся с собственными именами. Они служат для наименования людей, географических и космических объектов, животных, различных предметов материальной и духовной культуры. К собственным относятся имена как реально существующих или существовавших людей (например, Лев Толстой), городов (Москва, Дамаск), рек (Дон, Евфрат), созвездий (Орион) и т.п., так и наименования предметов, созданных фантазией человека – имена богов и демонов, имена персонажей художественной литературы и фольклора и т.д. Функциональное и языковое своеобразие собственных имён привело к тому, что их стали изучать в особой отрасли языкознания – ономастике. Ономастика имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, что обусловлено её объектом: имя собственное может быть предметом изучения разных наук – языкознания, истории, географии, астрономии и других. Антропонимия – наука об именах людей. История русской антропонимии делится на два периода:

1. Дохристианский – когда в ходу были собственно славянские, языческие имена.
2. Христианский – когда имена давались через церковь. Год 988 стал границей между этими периодами, когда произошло крещение Киевской Руси и приняты вместе с официальной христианской религией греко-византийские имена. Октябрьская социалистическая революция открыла новый этап в социальной, политической и культурной жизни России. Это событие оказалось переломным в истории русской антропонимии. В 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР опубликовал декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществ, по которому вводился свободный выбор имён и объявлялась законной гражданская регистрация рождений вместо церковного крещения. Так начался новый период в истории русской антропонимии. Некоторые исследователи считают, что история русской антропонимии делится на 3 периода:

1. Дохристианский.
2. Христианский.
3. Советский.

Дохристианский период

Судя по свидетельствам исторических памятников с шестого до десятого веков, можно предположить, что до 10 в. и во время 10 в. у восточных славян основной антропонимической единицей было личное имя. Оно использовалось во всех словах древнерусского общества и входило в состав как простых, так и составных именований человека. Подавляющую часть антропонимического фонда составляли имена родного языка, образованные из апеллятивных слов и их сочетаний, простые имена типа Мал – древлянский князь, Блуд, Боз (Бос) – вождь ан-

тов; сложные имена типа Всеволод, Мстислав, Станислав, Судислав, Доброгост, Межьмир, а также двусловные, типа Волчий хвост – воевода Киевского князя Владимира; позднее к ним прибавились скандинавские: Игорь, Олег, Ольга, Глеб – это так называемые династические имена. Не надо забывать, что распространение христианских имён представляло собой длительный процесс, что дохристианские имена не сразу исчезли после 10 века. Некоторые были и в 11-14 вв. Об антропонимии дохристианского периода, а также первых столетий после принятия христианства некоторое представление могут дать этнографические свидетельства прошлого. В одном из азбучников 16 века читаем: «Первых родов и времён человеци ... до некоего времени даяху детям своим имена, якоже отец и мать отрати изволят: или от притчи ... Также и словене прежде крещения их даяху имена детям своим сице: Богдан, Божен, Второй, Любим и ина таковы. Добра же суть и та» [1, с. 177-178].

Пологается, что древневосточнославянские имена были разнообразны, подвижны, немалочисленны. До принятия христианства у родителей «была значительно большая свобода выбора имени ребёнку, а сам выбор имени характеризовался причинами внешними, порой случайными, или стремлением родителей вложить в имя, как в талисман «свои лучшие пожелания в будущей жизни ребёнка. По этим причинам разряд личных имён у восточных славян, по всей вероятности, был очень многочисленным и разнообразным» [2, с. 44].

Предположительный характер носит и утверждение об употреблении в дохристианский период отчёмов. Вероятность их в 10 в. основана, во-первых, на том, что в списке русских слов 947 г. при именах некоторых из них находятся отчества, во-вторых, на факте фиксации их в источниках, относящихся к 11 и 12 вв. все раньше отчества, как правило, от неканонических имён: 1018 г. – посадник Константин, сын Добрынь; 1021 г. Брячислав, сын Изяславль; 1055 г. Изослав Ярославль князь Киевский; 1057 г. – Вячеслава, сын Ярославль; 1064 г. – Вышата, сын Остромир; 1097г. – Сновид Изичевич, конюх; 1102 г. – Прельсти Ярославца Святополчича Ярослава Ярополчича; 1138 г. – Юрий Володимерич Мономахъ. Итак, дохристианская антропонимия восточных славян имела развитую систему имён и частично уже могла использовать двучленную (имя плюс отчество) форму наименования.

Христианский период

С 11 по 13 в., несмотря на официальное принятие христианства, продолжал существовать, функционировать и развиваться неканонический фонд русских имён. Подтверждением широкого употребления исконно славянской личной ономастики в 11-13 вв. служат и новые материалы, в частности берестяные грамоты, найденные в 50-60-е годы прошлого века в Новгороде

и Пскове. Не прекращалось возникновение и использование неканонических антропонимов и в 14-17 вв., и тем не менее с 988 г. антропонимическая ситуация в Киевской Руси изменялась: под влиянием церкви имена стали даваться – христианские, которые образованы от нарицательных слов греческого, латинского, древнееврейского, древнеперсидского, древнеегипетского, халдейского, сирийского и вавилонского. Академик И.И. Срезневский в своём труде «Древний русский Календарь» даёт некоторые мужские имена:

- Авдий (Авдий), Аверкий, Авив, Авраамий, Алексей, Андрей, Александр...
- Гаврил, Георгий, Гордий, Григорий;
- Евсевий, Елисей, Емилиан, Енуарий, Ермолай, Ермон;
- Игнатий, Илья, Иоан...
- Киприан, Кирик, Козьма, Константин;
- Ларион, Лев, Леонтий, Лука, Луп;
- Максим, Мануил, Маршиниан, Меркурий;
- Назари, Нарсис, Наум, Нафал, Никита, Никифор;
- Осиф, Онисим, Онисифор;
- Павел, Пётр, Пигасий;
- Роман, Руф;
- Савелий, Савиниан, Самон, Самсон, Самуил, Сафроний;
- Тафрион, Тарасий, Тарх, Тимон;
- Уар, Устин;
- Фауст, Феогн, Феодор, Феодосий;
- Харитон, Хионий, Христофор.

Женский имена:

- Агалия, Агасия, Акулина, Анастасия, Антонина, Аньна;
- Елена, Елисавефя, Еупраксия;
- Зоя;
- Ирина, Ирния, Иулиния;
- Катерина, Кръстина;
- Любовь;
- Марина, Мария;
- Надежда;
- Олимпия;
- Пелагия, Пистомя;
- София, Сусана;
- Татьяна;
- Улиана, Улита;
- Феодора, Феодосия;
- Хиония.

В 11-12 вв. «христианские имена, хотя и давались при крещении, но в общезнании (а отсюда и в письменности) употреблялись редко ... С 13 в. употребление христианских имён заметно расширяется» [3, с. 4]. 14 век считается переломным в борьбе неканонических и канонических имён: христианские имена начинают использоваться в документах официального характера, дохристианские имена отходят на второй план. Сложность ономастической ситуации этого века – взаимодействие двух антропонимических систем, их взаимная адаптация и интерференция, возникновение «гибридных» моделей именования. Одно из проявлений гибридности – обычай иметь два имени (христианское и «мирское») и одновременно использовать их для названия лица. Первоначально двуименность встречалась у князей, бояр и духовных лиц (се аз князь великий Гаврил, нареченный Всеволод; в крещении Иосиф, а мирские Остромир), причём обычно в торжественной ситуации. С 14 века этот обычай подхватывается более низкими сословиями (Максим, а мирское имя Станислав, сын священника – 1310 г; дьяк Алексийко, нарицательный Владычко – 1377 г.). В 15 веке князья, как правило, называются одним именем (или христианским, или только «мирским»), низшие слои – «двумя именами сразу».

Второй период русской антропонимии характеризовался расслоением имени в социальном плане. Уже летописцы подметили «княжеский» характер таких имён, как Святослав, Вячеслав, Мстислав, Ярослав. В дальнейшем социальная дифференциация даёт о себе знать в форме имён (Пётр, Иван – для бояр и дворян, Петрушка, Ивашка – для простого народа), в форме отчеств (право называться с *-вичем* имели только привилегированные слои общества) [4, с. 35], в факте неодновременного появления и закрепления фамилий у представителей разных социальных слоёв. Об угасании неканонических имён и темпах этого процесса в 17 в. красноречиво говорят сведения по Воронежу: в 1629 г. эти имена составляли ещё 14% всех используемых имён, в 1696 г. – лишь около 5%. К концу 17 в. 90-95% имён – канонические. Самыми частыми мужскими име-

нами были: Иван, Фёдор, Василий, Григорий, Пётр, Андрей, Семён, Степан, Михаил, Никита. К концу 17 века формы имён различаются по официальности, и неофициальности. Официальными формами были также, как и Иван, Ивашко. Неофициальные: Иванко, Иванец, Иванис, Иванта, Ваня и др. Широко представлены в 14-17 вв. двучленные именования, включившие:

а) имя + собственно отчество: Ярославль, Ярославов, Ярославович, Кузьмич, Фомич, Андреевич, Кузьмична, Андреевна.

б) имя + прозвищное отчество или полу-отчество. Оно образовалось от неканонических русских имён: Третьяков сын, Замятин сын, Третьяков, Замятин). В пределах второго периода в истории антропонимии фамилии сформировались у князей и дворян, а у остальных сословий они либо отсутствовали вовсе, либо только зарождались. К началу 18 века у всех помещиков уже есть фамилии. В большинстве они образовались от отчеств, в основе которых имя отца, церковное или нецерковное. К 18 веку русская антропонимия подошла с более или менее определённым и устойчивым фондом употребительных канонических имён, богатой системой их словообразования, которая сложилась трёхчленной формулой именования, и которая ещё не была официальной и общей для всех классов и слоёв русского общества. Некоторые учёные выделяют как отдельный период от начала 18 века до 1917 года. В 1701 году Пётр I специальным указом запретил в документах употребление «полуимён». Однако соблюдение этого указа не было последовательным. Самые популярные имена – мужские в 18 веке: Григорий, Степан, Алексей, Фёдор. Самые популярные женские имена: Евдокия, Анна, Марья, Прасковья, Пелагея. В первое десятилетие 19 века самые популярные мужские имена: Иван, Василий, Николай, Пётр, Михаил, Алексей, Степан, Андрей, Фёдор, Александр, Дмитрий, Яков, Павел, Григорий, Сергей, Семён, Никита, Козма, Ефим, Илья, Матвей. Самые популярные женские имена: Мария, Евдокия, Анна, Прасковья, Екатерина, Матрена, Пелагея, Варвара, Елизавета, Александра, Татьяна, Елена, Настасья, Ирина, Ксения, Агриппина, Дарья, Марфа, Наталья, Ольга, Агафья, Степанида. Первое десятилетие второй половины 19 века характеризовалось количественным увеличением антропонимических единиц. К концу 19 века – самые популярные имена: Александр, Иван, Николай, Василий, Пётр. Дореволюционный русский именник был не одинаковым в городе и деревне. Он различался как набором имён, так и их употреблением. Деревенскими были имена Иван, Василий, Авдотья, Анна. Развитие капитализма подточило и расшатало косный быт деревни, вызвав некоторые сдвиги и в её антропонимии: на протяжении 19 века возрос процент имён Николай, Александр, Марья. Ещё и в начале 20 века крестьянский именник напоминал городской середины прошлого века – их разделяла дистанция длиной почти в столетие. И в начале нашего века среди крестьянок нередки Акулины, Меланьи, Феклы. «Ольга, Елена не пользовались популярностью в деревне» [5, с. 66]. Тезис об отставании деревенского именника от городского не вызывает сомнений. В этот период окончательно складывается и закрепляется трёхчленная структура именования (фамилия, имя, отчество), определяются социально-информативные функции каждого из её компонентов, формируется арсенал структурных типов и словообразовательных моделей русских фамилий (отбирается фонд активных фамильных суффиксов: *-ов (-ев)*, *-ин*, *-ский (-ский)*, *-ой*, *-ого (-ево)*, *-ых*, стабилизируются словообразовательные средства отчеств (суффиксы *-ов (-ев)*, *-ин*, *-ич*, а также составной суффикс *-ович (-евич)*). Вопросы именования человека в России в национальный период её развития перешли официально-канцелярские рамки и приобрели идеологический характер, о чём свидетельствует борьба русских революционных демократов и прогрессивной общественности против антропонимического неравенства, являющегося продолжением и отражением неравенства социального. В 18-20 вв. ономастическая система пополняется новой единицей – псевдонимом, получившим широкое применение в общественной жизни и литературе, особенно среди таких социально-профессиональных групп, как писатели, политики, журналисты, артисты, художники. Причины появления псевдонимов много. Одна из них – конспиративная, появившаяся в условиях цензурного и политического гнёта.

Советский период

Октябрьская революция в 1917 г. открыла новую эру в истории русской антропонимии. Народ, совершивший первую в мире социалистическую революцию, взялся за обновление всех сфер

материальной и духовной жизни, включая и сферу именования человека в новом обществе. Декрет советской власти об отделении церкви от государства, уничтожавший обязательность церковного крещения и именователя и введший свободный выбор имён, положил начало дехристианизации русской антропоники названия человека. В 20-30 годы выделялось движение за пересмотр христианского имени. Создаются совершенно новые имена, в качестве которых входят и заимствованные западно-европейские имена. Используются русские и славянские имена. Используются официальные сокращения форм типа Лена, Саша. В это время намечается:

1. Обновление состава частных имён;
2. Женские имена становятся более разнообразными, широкими, свободными по сравнению с мужскими именами;
3. Изменение статистических параметров имени;
4. Ускорение темпов его обновления.

Советский период русской антропоники характеризуется:

- 1) полной дехристианизацией имени;
- 2) внесловным характером его реализации;
- 3) уменьшением различий между именем города и деревни;
- 4) распространением антропонимических новшеств на всей территории России;
- 5) активным взаимодействием с антропоникией народов СССР и взаимообогащением русского и национальных именников;
- 6) распространением трёхчленной формулы официального именования человека среди всех наций СССР;
- 7) дальнейшим совершенствованием стилистических возможностей антропонимической системы в процессе её использования во всех функциональных стилях современного русского языка.

Появляются имена-неологизмы, созданные на базе своего языка, и имена заимствованные. Были такие иностранные имена, которые стали знакомы через литературу, театр, кино: Август, Альберт, Арнольд и др. Целесообразно разграничить:

А) Имена- неологизмы, т.е. имена, возникшие в это время из нарицательных существительных (Авангард, Герб, Герой, Индустрия, Новелла, Поэма и т.п.) или на базе собственных имён (Владлен – сокращение из Владимир и Ленин, Мэлор – от Маркс, Энгельс, Ленин и Октябрьская революция).

Б) Имена, заимствованные в русском языке в готовом виде из других языков. Имена-неологизмы были образованы двумя способами словопроизводства: семантическим и морфологическим. Семантическим способом получены имена (преимущественно от слов идеологической тематики (Свобода, Воля, Заря, Звезда, Идея, Победа, Искра, Май, Декабрист, Гений, Сталь). Морфологическим способом получены имена (Ленина, Мира, Гения, Мая, Октябрин, Октябрина, Ноябрина, Декабрин, Декабрина, Краснослав, Ким и Кима (от Коммунистический Интернационал Молодёжи), Марлен и Марлена (от Маркс, Ленин), Ор (сокращение от Октябрьская революция), Ревмир и Ревмира (из сочетания слов революция и мировая), Вилен, Вилена, Владилен и Владилена, Владелен и Владелена (из сочетания имени Владимир Ильич Ленин) и др. Имена-неологизмы, полученные способом семантической антропонимизации, активны и у некоторых народов СССР. Так у алтайцев: Октябрь, Комсомол, Пионер, Товарищ, Командир, Октябрат, Танкист, Капитан, Новита, Дочь, Союза, Слива, Плаката, Столица и др. [6]. Имена – заимствованные считаются «самыми многочисленными среди новых имён»:

- От латинского – Аргентина, Беатриса, Бенедикт, Валентина, Виргиния, Глория, Гораций, Лилиана, Диана, Лаура и др.
- Имена античной мифологии – Аврора, Адонис, Амур, Изид, Ифигения, Флора, Юнона и др.
- Древнегреческие имена: Генрих, Артур.
- Древнееврейские: Натан.

В современном именике заметную долю составляют славянские имена. Часть их была в своё время канонизирована: Борис, Владимир, Владислав, Мстислав, Ростислав, Ярослав и др. Дехристианизация антропоники открыла широкий доступ в наш именик таких имён, как Боримир, Борислав, Бритислав, Бронислав, Будимир, Велимир, Венцеслав, Витольд, Горислав, Людмил и др. Начали обращаться к таким неканоническим именам, как Белослав, Болеслав, Боян, Брячислав, Воислав, Всемир, Добромир, Мир, Радим, Радислав и др. К славянским при-

мыкают старорусские имена: Вадим, Всеволод, Вячеслав, Горазд, Кушка, Вера, Володарь, Кий, Остромир и др. В советские годы закрепились разного рода новообразования (производные) от канонических имён.

А) Женские варианты (пары): -а, -я от канонических имён: Авенира (женск. к Авенир), Авентина, Авира, Аглая, Альфия, Арепия, Аркадия, Арсения, Вивиана и др.

Б) Образования от мужских имён при помощи суффикса -ин(а): Адельфина (от Адельфий), Алексина, Валентина и др.

В) употребление мужского канонического имени в качестве женского уже неканонического: Аза, Зима, Ива, Инна, Мина, Пина, Римма, Феона.

В советской гражданской регистрации закрепились возникшие ранее новые документальные формы имён вместо старых церковных: Абрам (стар. Авраам), Аган (стар. Аганий), Алексей (стар. Алексий), Антон (стар. Антоний) и др. Обновлению общего облика имени в советские десятилетия способствовало и крайне редкое обращение к огромному числу канонических имён, к таким, как Абагор, Абаом, Абдаикл, Аввакир, Авгурий, Авда, Авделай, Авдиес и др. В советские годы стали частными имена: Виктор, Борис, Игорь, Олег, Нина, Галина, Валентина, Людмила, Ирина, Светлана, Лариса и др. Определённую стабильность и преемственность имени советского периода придавали и придают традиционные русские имена (Александр, Алексей, Владимир, Дмитрий, Сергей и др.). Если попытаться сгруппировать имена с учётом роста или уменьшения их популярности в 20 веке, то можно выделить 5 подгрупп:

1) имена устойчивой популярности (Александр – в 1899 г. – 12.3%, в 1920 г. – 8.7%, в 1930 – 7.5%, в 1967 – 13.1%, 1967 – 13.4%, в 1969 – 9.06%, в 1980 – 10.8%. Владимир – в 1899 – 4.5%, в 1920 – 11.8%, в 1930 – 14.3%, в 1957 – 11.9%, в 1967 – 9.6%, в 1969 – 6.1%);

2) имена, употребительность которых, как правило, росла на протяжении всех лет (Игорь – в 1899г. – 0.6%, в 1920 – 0.26%, в 1930 – 0.1%, в 1940 – 0.32%, в 1957 – 2.2%, в 1967 – 5.3%, в 1969 – 6.1%. Андрей – 1.8%, 0.9%, 0.4%, 0.040%, 3.0%, 12.9%, 9.6%, 8.8%);

3) имена, употребительность которых была значительной в дореволюционное время и после перерыва (в 20-30 годы), стала ещё большей (Сергей – 4.4%, 4.9%, 0.9%, 0.32%, 10.1%, 13.7%, 12.4%, 13.3%);

4) имена, популярность которых приходилась на 20-30 годы (Николай, Борис и др.), на 20-40 годы (Геннадий, Юрий);

5) имена затухающей употребительности (Иван – 8.47%, 2.4%, 0.6%, 0.2%, 0.4%, 0.0%, 0.7%).

Накладывая репертуар 1960-1969 годов на репертуар женских имён 20-х годов, выделяем три группы имён:

1) имена, встречавшиеся в 20-е годы и сохранившиеся до настоящего времени. Их много, например, Алла, Анастасия, Александра, Анжелика, Анна, Антонина, Валентина, Валерия, Варвара, Вера и др.;

2) «Новые» имена, не встречавшиеся в 20-е годы. Их меньше, чем приведённые в первой группе: Алена, Анжела, Ариадна, Владислава, Динаида, Кристина, Оксана, Сабина и др.;

3) имена, употреблявшиеся в 20-е годы и не повторённые в 60-е годы: Ава, Агафья, Ада, Адельфина, Бронислава, Вильгельмина, Владлена и др.

В женской части именика можно выделить подгруппы, аналогичные в составе мужского именика второй половины 20-го века:

1) имена, употребительность которых росла на протяжении всех лет (Ирина, Людмила) или же во второй половине 20 века (Лариса, Любовь, Марина, Светлана);

2) имена, употребительность которых была значительной в дореволюционное время и после перерыва (в 20-30) стала ещё большей (Елена, Наталия, Ольга, Татьяна);

3) имена, популярность которых, хотя и не самая высокая, приходилась на 20-40 годы (Зоя, Маргарита, Раиса, Тамара);

4) имена, затухающей популярности (Александра, Антонина, Елизавета, Клавдия, Мария, Софья).

Вторая глава. Сокращённые и ласкательные русские имена

Все русские личные имена могут быть подразделены на 3 группы:

1. Полные паспортные имена (Александр, Антонина и др.).
2. Сокращённые имена (Людмила – Люда, Александр – Саша).

3. Оценочные ласкательные и уничижительные (Машенька, Оленька, Шурик).

Антропонимы всех этих групп образуются друг от друга и подвергаются деривации. Так, от основ полных имён образуются сокращённые и суффиксальные уменьшительно-ласкательные имена, а от основ сокращённых – уменьшительно-ласкательные и уничижительные, от основ уменьшительно-ласкательных и уничижительных, в свою очередь, – уменьшительно-ласкательные, уничижительные и сокращённые.

Образование ласкательных, уменьшительных и других от полных имён – процесс очень продуктивный. Так, что можно образовать десятки разных именований от одного полного имени. Например, имя Иван было очень распространено до 19 века. Бывало так, что в одной семье несколько Иванов. Это позволило различать людей – Иванов путём ласкательно-уменьшительного имени. Неполные формы имени существуют издавна. «Уже в памятниках Древней Руси обнаруживаются различные имена, которые можно считать неполными формами от одного полного: Доброслав – Добролю, Добрыня; Судислав – Судило, Судилка; Путислав – Путило, Путилко, Путята» [7]. «В деловых актах, когда речь шла о крестьянах, имена употреблялись обычно в уменьшительно-уничижительной форме. Если документ был написан от первого лица, автор называл себя Ивашкой, Гришкой, Федькой, но когда он говорил о других крестьянах, то мог использовать или такую же форму на -ка-, или неполные имена без оттенка уничижительности, без -ка-» [8]. В памятниках Древней Руси князь назывался Мстислав, а незнатный человек – Местило. Нельзя было неполными формами называть князей и знатных людей. Применение неполных форм шло в отношении простых людей, которые редко упоминались в текстах. Сейчас много неполных имён образуется с помощью отсечения начала полных, особенно это касается поздних заимствований и новообразований. Возникли такие неполные имена, как Белла от Изабелла, Бина от Альбина, Брин от Октябрин, Вара от Варвара. Иногда в двусложных неполных именах в обоих слогах повторяется один согласный звук: Боба (Борис), Вова (Владимир), Вава (Валерия). До Октябрьской революции было принято большую часть населения – людей-тружеников, людей, принадлежащих к бедным классам – именовать пренебрежительно на -ка. «Детей крепостных в разговорном языке обычно называли полными именами. Они становились взрослыми, но и по-прежнему оставались Васьками, Ваньками, Захарками» [8]. После революции сама основа огромного количества имён на -ка, веками утверждавшаяся в России, была поколеблена. Эти формы уже не нужны для официального именования, не нужно столько их и в бытовом языке как уничижительных, вот и происходят изменения в их окраске.

Способ образования сокращённых и суффиксально-оценочных форм русских имён является очень продуктивным. Это свидетельствует о том, что русский язык очень богатый. Везде можно слышать сокращённые и оценочные имена, что показывает на их высокую употребительность, которая превышает употребительность полных, официальных имён. Я думаю, что это одна из отличительных черт русского языка от других языков мира, в частности, арабского.

Для иностранцев сокращённые и оценочные имена составляют трудности. Во-первых иностранцы не различают такие имена, как оценочные. Во-вторых, они не понимают стилистическую окраску иной или другой формы. Они не понимают множества способов образования этих форм.

В русском языке также есть и усечённые имена. Они показывают расположение человека к другому человеку, подчёркивается дружеское или неприязненное отношение. Здесь существует как бы экономия времени (имя Александр требует при произношении времени больше, чем имя Саша. Кроме того, имя Саша немного проще, чем Александр. Суффикс в оценочном имени подчёркивает особенное отношение к человеку (Обращаясь к своему сыну как Сашенька, мать подчёркивает свою любовь к нему).

Самые популярные мужские имена в настоящее время:

Александр – греческое имя, Алексей – греческое, Анатолий – греческое, Андрей – греческое, Борис – славянское, Валерий – латинское, Василий – греческое, Виктор – латинское, Виталий – латинское, Владимир – славянское, Геннадий – греческое, Георгий – греческое, Григорий – латинское, Денис – греческое, Дмитрий – греческое, Евгений – греческое, Иван – древнееврейское, Игорь – древнескандинавское, Илья – древнееврейское,

Константин – латинское, Максим – латинское, Михаил – древнееврейское, Никита – греческое, Николай – греческое, Олег – древнескандинавское, Павел – латинское, Пётр – греческое, Роман – латинское, Сергей – латинское, Степан – греческое, Фёдор – греческое, Юрий – греческое.

Самые популярные женские имена в настоящее время:

Анастасия – греческое, Елена – греческое, Ольга – древнерусское, Наталья – русское, Екатерина – греческое, Анна – греческое, Татьяна – русское, Мария – древнееврейское, Ирина – русское, Юлия – русское, Елизавета – древнееврейское, Яна – славянское, Софья – греческое, Дарья – русское, Вероника – древнееврейское, Алиса – французское, Мира – славянское, Лилия – латинское, Роза – европейское.

Анализируя перечень популярных русских имён, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, традиционные русские имена, которые вошли в русский язык из греческого, иврита и римского языков во время принятия Россией христианства, составляют подавляющую часть русского именника. Эти имена со временем стали чисто русскими. Необходимо сказать, что данные имена сейчас потеряли свою религиозную окраску. Во-вторых, в русском именнике сейчас есть новые имена, которых не было раньше (Мира, Лилия, Роза и другие). Они отражают настроение русского народа и его стремление к миру в настоящее время. Наблюдаются иностранные имена, такие как французское Жанна, испанское Инесса, арабское Надия. В-третьих, славянские и русские имена продолжают существовать в именнике.

Третья глава. Арабские личные имена

Можно разделить историю арабской антропоники на два периода: доисламский и исламский.

Доисламские имена: Арабы до ислама были язычными. Имя человека тогда состояло из трёх частей:

1) из имени самого человека, мужское (Омар, Маад, Антар, Кулайб, Муавий, Удай, Зухайр, Малек, Зияд, Кайс, Сахр, Кааб); женское (Тамадор, Лайла, Халима, Дибба, Хадиджа, Амина, Аруа);

2) из слова *ибн* (что означает 'сын') для мужского пола, и слова *бинт* (что означает 'дочь') для женского пола;

3) из имени отца; примеры полных имён – Умар бин Кулсум; Антар бин Шаддад; Хадиджа бинт Хувайлед.

В основном арабские имена в этом периоде по происхождению были арабскими. Но рядом с этим были некоторые персидские (Ясамин, Нарджес, Шахразад, Саусан) и еврейские имена (Исмаил, Ибрагим, Яхья, Йёсоф, Марьям, Ильяс, Дауд, Муса).

До принятия ислама люди давали новорождённому имена:

– либо оптимистические по отношению к врагу (Галеб – побеждающий, Залем – угнетающий, Мукатель и Муарек – борющийся);

– либо имена, которые передали желания родителей в отношении к сыну (Наэль – достигший, Мудрек или Даррак – умный, Салем и Салим – здоровый);

– имена, обозначавшие названия животных (Асад – лев, Зиб – волк, Лайс – лев);

– имена, обозначавшие названия деревьев (Талха, Самра, Салама, Китада);

Очень были распространены имена Абдманаф, Абдизза, Абдкааба, Абдиллат, Абдшамс и другие. Эти имена состоят из частей Абд 'раб' и Манаф, Изза, Шамс и т.д. Эти имена означали: раб Манафа, раб Изза, раб Каабы, раб Ллата, раб Солнца. Иногда, когда жена рожала, муж выходил из дома на улицу, и первое, что он встречал, он использовал для отбора имени для сына или дочери. Так появились имена Салаб 'лиса', Калб 'собака', Химар 'осёл', Кирд 'обезьяна', Ханзир 'свинья', Гураб 'ворона'.

Исламские имена. 610 год был своеобразным в истории арабов. В этот год ангел Джабрил явился и продиктовал пророку Мухаммаду первые акты Священного Корана. Ислам сильно повлиял на именник арабских имён. Появились очень многие имена, связанные с исламом, Аллахом, пророком: Моаммад, Махмуд, Ахмад, Мустафа, Абдульазиз, Абдулгaffар, Фатима, Амина, Айша, Фатима, Раджаб, Рамадан и т.д.

Все эти имена связаны с религией, они появились из-за сильного влияния ислама на общественную жизнь: Мухаммад – имя пророка, Хусейн – имя имама, Али – имя халифа, Хамед – тот, кто благодарит бога; Рамадан – название месяца, в котором мусульмане соблюдают пост; Шабан – название святого месяца. Айша, Хадиджа, Фатима, Амина и другие являются именами первых мусульманок.

Появились и составные имена, такие как Абдалла, Абдуррахман, Абдулмалек, Абдулхади, Абдулмутталеб, Абдулазиз, Абдулгани, Абдулкадер, Абдулхамид, Абдулджаббар, Абдулраззак и др. для мужского пола. Все эти имена состоят из двух слов: Абд, что означает 'раб', и слов Рахман, Малек, Хади, Джаббар, Азиз, Аллах и т.д., что означают прозвище Аллаха. Ум Амр, Ум Кульсум, Ум Талеб, Ум Хани и т.д. имена для женщин. Все эти составные имена состоят из двух частей: Ум, что означает 'мать'; и Талеб, Хасан, Зубейр и т.д., что означают имя сына.

В последующем появились составные мужские имена: Джамалиддин, Мухильдин, Шамсиддин, Камариддин, Таджиддин, Шихабиддин и т.д. Эти имена тоже состоят из двух слов: название предмета + слово *эддин*, что означает 'религия'. Например: Джамалиддин 'красота религии', Мухильдин 'возродитель религии', Шамсиддин 'солнце религии', Фахриддин 'городость религии'.

Особой популярностью пользовались имена Мохаммад, Мамуд, Ахмад. Первое – имя пророка, последние два – его прозвища. Они до сих пор очень популярны.

После появления ислама доисламские имена (Абду Манаф, Абд Изза, Абд Кааба, Абд Иллат, Абд Шамс и другие) считались антиверующими именами, поэтому вторая часть имён была заменена словом «Аллах» или его прозвищами. Оттуда появились имена Абдалла, Абдулазиз, Абдулхаким, Абдулкадер, Абдулгани и другие.

Очень распространены во всём исламском мире имена пророков, посланников Аллаха и сподвижников пророка Мохаммада: Исса, Муса, Идрис, Нух, Адам, Салех, Ибрагим, Исмаиль, Исхак, Якуб, Йёсоф, Айюб, Юнос, Харун, Иляс, Дауд, Сулейман, Закария, Яхя, Абу Бакр, Омар, Осман, Али, Мусааб, Су-майа, Хадиджа, Айша, Журия, Муавия, Халед и т.д.

Помимо этого у арабских христиан есть имена, которые имеют христианскую окраску, и которые не имеют арабского происхождения (Джорж, Антон, Антуан, Хнейн, Мтанёс, Жиржос, Джозейф, Михаил и т.д. для мужчин) и (Антуанет, Жоржина, Джанет, Барбара и т.д. для женщин).

В последнее время стали появляться у арабов иностранные имена, однако их немного, например: Кармен, Луна, Мирна, Лура, Алиса, Жисика, Фридрих, Карол, Карл, Кристин, Кристина, Виктория, Никол, Линда, Каролин и т.д.

Сейчас наблюдается у арабов распространение некоторых русских имен Лена, Тамара, Таня, Юрий, Вера, Виктор, Лиза, Бутрос (арабизированное имя Пётр), Лариса, Рита, Ольга.

Сейчас в арабском обществе распространены имена собственные из Священного Корана как имя для новорождённого: муж. Адам, Сирадж, Сари, Бараа, Гази, Кинан, Райхан, Аслам, Ияс, Рамас, Шахед, Аднан, Гайс, Карим, Мисбах, Мунир, Наджи и другие; жен. – Алаа, Джанна, Джаннат, Абрар, Ирам, Исраа, Ислам, Афнан, Анфаль, Илаф, Баян, Хур, Дуаа, Рауда, Сальсальби, Сужуд, Шафаа, Тайба, Гуфран, Фурад, Музна, Юмна и другие.

Арабские мусульманские имена распространены сейчас во всех исламских странах: Мохаммад, Ахмад, Махмуд, Абдулла, Абдулгани, Муса, Исса, Нух, Идрис, Насериддин, Бахаиддин, Омар, Али, Осман, Билаль и т.д.

Существуют нейтральные имена, которые широко используются до сих пор, и которыми именуются и мусульмане и христиане: муж. Сами, Самер, Халед, Луай, Айхам, Имад, Махер, Исмаат, Самех, Зияд, Исам, Усама, Салем, Салим и другие; жен. Шамс, Камар, Аруа, Самах, Шадя, Надья, Афад, Науаль, Файза, Зухра, Муна, Салуа, Сальма, Кинда и т.д. Эти имена не имеют никакого религиозного значения, поэтому и мусульмане и христиане могут иметь такие имена.

Какова семантика нейтральных имён? Значение таких имен может быть связана с: 1) именами, связанными с природой (Бахр 'море', Бадр 'луна', Билаль 'вода', Сурая 'название звезды', Джаафар 'маленькая речка', Рабаб 'белые облака', Руба 'горы', Сахл и Сухайл 'название звезды', Фирдаус 'парк'; 2) именами, обозначающими растения (Хамза 'злак', Ранда 'дерево с приятным запахом', Саусан 'название цветка', Шаза 'сильный запах', Абир 'смесь приятных запахов'); 3) именами, связанными с названиями животных и птиц (Аруа 'дикий козёл', Усама 'лев', Джауад 'конь', Хамза 'лев', Рим 'олень', Фахд и Кульсум 'слон', Мазен 'яйца муравьев', Салуа – название птицы); 4) именами, обозначающими время (Сабах 'утро', Раби 'весна', Хамис 'четверг', Сахар 'рано утром', Ид 'праздник'; 5) названиями профессий (Джаухари, Наджар, Хаддад, Хайат, Аттар и т.д.); 6) названиями

мест (Димашки, Масри, Мадани, Басри, Куфи, Шами, Маграби, Жазаир и т.д.); 7) именами, дающими значение храбрости и силы (Фарес, Мунтасер, Фауаз, Мутэб, Хусам и т.д.).

По строению арабские имена делятся на:

1. Имена – глагольный инфинитив.

Муж.: Джалаль, Джамаль, Тайсир, Тафик и др.

Жен.: Амаль, Ханан, Хаят, Хулуд, Салуа, Самар, Икбал, Икрам, Илахам, Инсаф, Инаам, Ибтисам, Ибтихадж и др.

2. Имена – действительное причастие.

Муж.: Баесм, Джабер, Хатем, Хазем, Хамед, Халед, Рашед, Рамез, Салем, Самех, Сазб, Сабер, Садек, Салех, Тарек, Тахер, Адель, Атеф, Фарес, Фадель, Хашем и другие.

Жен.: Амна, Бариа, Рабиаа, Рания, Сарра, Аида, Айша и др..

3. Имена – страдательное причастие.

Муж.: Мамун, Мабрук, Махрус, Масууд, Мааруф, Мансур.

Жен.: Мабрука, Махруса, Мазюна, Миския.

4. Имена – прилагательные.

Муж.: Амин, Анис, Тамим, Джамиль, Хабиб, Рашид, Саид, Афиф, Фарид.

Жен.: Джамила, Джалила, Фарида, Фатен, Нахед, Ламис, Закия.

5. Уменьшительные имена (Убай от абб, что значит 'отец'; Умайа от ум, что значит 'мать'; Бусайна от басна 'красивая'; Дурайд от адрада 'потерял свои зубы').

По происхождению арабские имена делятся на следующие:

1. Чисто арабские (Асад, Аднан, Кулейб, Ханзала, Хансаа, Афрад, Суха, Тиряк, Басима, Набиль, Уалиф, Набег, Асаар, и т.д.).

2. Еврейские имена (Ибрагим, Муса, Исса, Якуб, Сара, Исхак, Сулейман, Исмаиль, Айюб и т.д.).

3. Европейские имена (Софья, Дияна, Искандар, Фридон, Мирна, Марина, Анжила, Жули, Жулия, Камелия, Нанси, и т.д.).

4. Турецкие имена (Жихан, Ульфат, Толай, Хусни, Хулми, Расми, Рушди, Зухди, Шукри, Субхи, Сабри, Аун, Фаузи и др.).

5. Индийские имена (Далия, Кинан, Анахид, Нурхан и другие).

6. Персидские имена (Жилан, Найруз, Бурат, Лура, Нахауанд, Саусан и другие).

Изучая арабский именник, можно заметить религиозный характер многих имён. Когда арабы были сильно верующими, их имена были чисто религиозными. А сейчас, когда религия потеряла частично своё влияние на людей, личные имена во многом стали нейтральными (Сами, Нахед, Рахаф, Мурхаф, Махер, Амер, Назек, Яра, Мирна, Музна, Бадр, Амер, Хамса, Нагам, Газаль, и другие).

Оценочные и краткие формы арабских имён

Существуют оценочные и краткие формы имён в арабском языке. Они используются в рамках семейных и самых близких дружеских отношениях и показывают сильную дружбу и тесность связи. Здесь нет никаких определённых правил или способов образования (Мохаммад – Хамада, Хуммуде, Мадо; Сами – Сумсом; Абир – Аббура; Надия – Наддуш, Тальеб – Тульба, Афад – Уффо, Иман – Мано, Мунзер, Манзура и др.). Но очень распространена ласкательная форма (Мохаммад – Муму, Шадия – Шушу, Сумая – Сусу, Фаез – Фуфу и т.д.).

Существует такой способ образования ласкательной формы мужского имени: *абу* 'отец' + уменьшительная форма самого имени.

Полное имя	Уменьшительная форма	Ласкательное имя
Абдо	Убейд	Абу Убейд
Ахмад	Хмейд	Абу Хмейд
Жорж	Жрейж	Абу Жрейж
Субхи	Сбейх	Абу Сбейх

При образовании женского ласкательного имени к уменьшительной форме имени прибавляется слово *ум* 'мать'.

Сабах	Сбейх	Ум Сбейх
Будур	Будейр	Ум Будейр
Фатима	Футейм	Ум Футейм

Существует бытовая форма имени, которая создаётся так: слово *абу* 'отец' + имя старшего сына – мальчика, который уже родился или которого ещё нет, но имя для него уже есть: Абу + Аднан, т.е. отец Аднана; Абу+ Шади = Абу Шади; Абу + Салях =

Абу Салях. Бытовая форма для женского имени образуется так же, за исключением замены слова абу на слово ум 'мать': Ум Аднан, Ум Шади, Ум Салях.

В арабском языке в отличие от русского языка есть имена общие для мужчин и женщин (Ибаа, Ихсан, Илхам, Баян, Ханин, Дияя, Кифах, Кинан, Мажд, Нибрас, Нур, Уисам, Исмаат, Икбаль). Существуют женские имена, которыми иногда именуются мужчины (Сабах, Нихад, Нажах, Гадир и другие).

Во всех исламских странах распространены арабские исламские имена: например, Мохаммад, Ахмад, Махмуд, Абдалла, Омар, Фатима, Айша, Амна, Абу Бакр, Али, Хасан, Хусейн и т.д.

Самые популярные арабские имена в настоящее время:

Мужские: Мохаммад – арабское имя, Ахмад – арабское, Йосеф – еврейское, Адам – еврейское, Абдулла – арабское, Абдуррахман – арабское, Омар – арабское, Али- арабское, Ямен – арабское, Лайс – арабское, Хамза – арабское, Тайм – арабское.

Женские: Яра – персидское, Дана – английское, Рама – индийское, Разан – арабское, Тала – греческое, Лаян – арабское, Рима – арабское, Шахед – арабское, Хала – арабское, Сара – еврейское, Марям – еврейское, Майс – арабское, Рауан – персидское, Мая – еврейское.

При анализировании современных арабских имён можно заметить следующее. Во-первых, большинство мужских имён имеет исламскую окраску. популярные арабские мужские имена являются старыми арабскими. Они относятся к периоду появления ислама. Во-вторых, перечень популярных женских имён совсем другой. Здесь есть новые имена. В-третьих, религиозная окраска у женских имён не так явно выражена. Стоит также отметить, что женские имена имеют разное происхождение.

Выводы

При изучении русского языка иностранный учащийся сталкивается с именами. Если учесть, что учащиеся – это представители самых разнообразных культур, и что далеко не всем понятно многое о русских личных именах, то мы приходим к выводу о необходимости комментариев к русским именам. «Русские антропонимы среди языковых единиц русского языка, обладающих национально-культурным компонентом значения, занимают особое место, определяемое их большой коммуникативной и информативной значимостью в различных функционально-речевых стилях русского языка, а также тесной связью истории русских личных имён с историей русского народа» [9].

Библиографический список

1. Карпов, А. Азбуквники, или алфавиты иностранных речей по спискам Словецкой библиотеки. – Казан, 1878.
2. Зинин, С.И. Введение в русскую антропонию. – Ташкент, 1972.
3. Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – СПб., 1903. – Т. VI.
4. Каранов, Е.П. Годовые прозвания. Титулы в России и слияние иноземцев с русскими. – СПб., 1886.
5. Никонов, В.А. Имя и общество. – М., 1974.
6. Шатинова, Н.И. Личное имя у алтайцев. – Горно-Алтайск, 1976.
7. Полякова, Е.Н. Из истории русских имён и фамилий. – М., 1975.
8. Успенский, Л.В. Ты и твоё имя. – Л., 1962.
9. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973.
10. Листрова, Ю.Т. Лексические и грамматические компоненты в системе языкового знака. – Воронеж, 1932.

Bibliography

1. Karpov, A. Azbukovniki, ili alfavitih inostrannihkh rechej po spiskam Sloveckoj biblioteki. – Kazan, 1878.
2. Zinin, S.I. Vvedenie v russkuyu antroponimiyu. – Tashkent, 1972.
3. Tupikov, N.M. Slovar' drevnerusskikh lichnihkh sobstvennikh imen. – SPb., 1903. – T. VI.
4. Karanov, E.P. Godovihe prozvaniya. Titulih v Rossii i sliyanie inozemcev s russkimi. – SPb., 1886.
5. Nikonov, V.A. Imya i obshchestvo. – M., 1974.
6. Shatinova, N.I. Lichnoe imya u altajycev. – Gorno-Altajsk, 1976.
7. Polyakova, E.N. Iz istorii russkikh imyon i familij. – M., 1975.
8. Uspenskiy, L.V. Tih i tvoyo imya. – L., 1962.
9. Superanskaya, A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. – M., 1973.
10. Listrova, Yu.T. Leksicheskie i grammaticheskie komponentih v sisteme yazikovogo znaka. – Voronezh, 1932.

Статья поступила в редакцию 16.07.14

Национально-культурная специфика русских личных имён обнаруживается при чтении текстов художественной литературы, а также при ознакомлении учащихся с действительностью русской жизни. Характер русских имён для иностранцев часто бывает необычным. Он воспринимается как объект отражения культурной, социальной жизни. Однако степень трудности русских имён для иностранцев разных национальностей неодинакова. «Комментируя национально-культурное своеобразие русского личного имени в том или ином его варианте в отношении к другим именам русской антропонимической системы, представитель учитывает своеобразие антропонимической системы, принимаемой в родном языке иностранного учащегося» [10]. Например, для араба все русские личные имена – одинаково своеобразны и необычны. Особенно непонятны и трудны для араба русские сокращённые имена. Это исходит из того, что сокращённые арабские имена используются в узком кругу.

Важно, чтобы иностранец изучал русские личные имена и имел представление о них, так как иностранец сталкивается с ними везде: в учебном заведении, на занятиях по своей специальности, при чтении художественной литературы, и не только художественной, при изучении многих дисциплин. Личные имена используются в бытовой среде. Они носят национальный характер и по ним можно проследить ход истории страны изучаемого языка.

Сопоставление между русскими и арабскими именами даёт возможность выработать методические рекомендации для преподавания русского языка в арабской аудитории:

1. Посвятить изучению русских личных имён арабами специальные занятия.
2. Дать учащемуся упражнения для образования разных форм русских имён.
3. Посвятить специальное занятие способам образования имен, выполняя упражнения.
4. Использовать ситуативный метод преподавания разных форм имени.
5. Сопровождать преподавание личных русских имён лингвострановедческим комментарием.

* Автор выражает благодарность научно-исследовательскому центру факультета языков и перевода и деканату научных исследований университета им. Короля Сауда за финансовую поддержку данной работы.